

18+

ПОТЕРЯННЫЙ ВАН ГОГ

ДЖОНАТАН САНТЛОУФЕР

Арт-триллер для поклонников Дэна Брауна

Джонатан Сантлоуфер

Потерянный Ван Гог

Серия «Роман с искусством»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70417825

*Потерянный Ван Гог: [роман] / Джонатан Сантлоуфер; – [перевод с
английского Яковлева А.].: АСТ; Москва; 2024*

ISBN 978-5-17-147378-5

Аннотация

Под холстом и красками, за красотой и славой, скрывалась картина, которую поглотило зло, таящееся в темной паутине андеграундного мира искусства...

Люк Перроне, художник и правнук человека, укравшего «Мону Лизу», и Аликс Верде, дочь теневого коллекционера произведений искусства, случайно обнаруживают под дешевой картиной старинный портрет мужчины с рыжей бородой. Возможно, это последний автопортрет Ван Гога, который бесследно исчез после его похорон. Чтобы подтвердить его подлинность, Люку и Аликс предстоит решить не одну художественную головоломку.

Когда всего несколько дней спустя картину похищают, Перроне вместе с агентом Интерпола Джоном Вашингтоном Смитом начинают смертельно опасные поиски, которые не только

раскроют секреты последних дней жизни Ван Гога, но и перенесут их в одну из самых мрачных эпох истории...

Содержание

Пролог	8
1	12
2	16
3	22
4	25
5	30
6	33
7	42
8	44
9	49
10	58
11	60
12	65
13	69
14	72
15	74
16	82
17	84
18	87
19	90
20	94
21	100
22	104

Конец ознакомительного фрагмента.

Джонатан Сантлоуфер

Потерянный Ван Гог

*Посвящается Нико Джою Томпсону
и его родителям
Дорис Сантлоуфер
и Дугласу Лайлу Томпсону*

*Во что превратилась бы жизнь, если бы мы ни
на что не осмеливались?*

**Винсент Ван Гог – в письме Тео Ван Гогу от 29 декабря
1881 г.**

*Прошлое не умирает. Оно даже не проходит.
Уильям Фолкнер*

*Искусство – это ложь, которая делает нас
способными осознать правду.
Пабло Пикассо*

Серия «Роман с искусством»

Jonathan Santlofer
THE LOST VAN GOGH

Печатается с разрешения литературного агентства Nova
Littera SIA.

Перевод с английского *Александра Яковлева*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей, относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской, и чья деятельность в России запрещена.

Copyright © 2024 by Jonathan Santlofer

© Яковлев А., перевод, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Париж

Август 1944 года

За то, чем он сейчас занимался, его могли расстрелять.

В комнате было душно: окна закрыты, шторы опущены. Он нанес тонкий слой клея на кальку при свете одной-единственной лампы. Затем наложил кальку на картину, разгладил мягкой тряпкой, и калька прилегла к поверхности, повторив отпечаток каждого мазка под собой. Это был ключевой этап: бумага отделяла старое от нового.

Дожидаюсь, пока бумага подсохнет, он вытряхнул сигарету из мятой синей пачки «*Gitanes*», закурил и затянулся; дым был едким и горьким.

Как все последние пять лет, подумал он.

Несколько минут он настраивал дешевый бакелитовый радиоприемник, который снабдил антенной, чтобы можно было слушать Би-би-си, а иногда и его любимую американскую музыку. Хотя прослушивание иностранных радиостанций приравнивалось к уголовному преступлению, ему было все равно; это уже не имело значения. В этот вечер ему повезло: звучало трио *King Cole*, голос солиста струился гладко, как шелк, несмотря на помехи.

Он подпевал, имитируя слова, которых не понимал: «итс онли апэйпа мун...» – затем проверил поверхность картины:

еще не высохла. Инструкция гласила, что этот новый пластичный клей создает прочное соединение, которое в будущем можно будет легко удалить.

Под прозрачной бумагой изображение казалось призрачным, но он никогда его не забудет. Из всех картин, которые он закрасил, эта была самой важной.

В очередной раз потрогав поверхность, он решил, что пора. Нанеся на бумагу слой белой краски на водной основе и создав таким образом чистую поверхность, он установил холст на мольберт. Ему пришла мысль нарисовать клоуна в стиле Рую¹ или какой-нибудь простой рисунок, но потом он достал из бумажника старую фотографию своей жены Жозетт, сделанную пять лет назад – до того, как мир разорвался на куски. Свет драматично падал лишь на одну половину лица женщины, вторая была скрыта во тьме.

Не выпуская сигарету изо рта, он налил в баночку льняного масла и добавил несколько капель кобальтового осушителя. Хотя он знал, что от этого краска впоследствии потрескается. Но сейчас важнее было сэкономить время. Перебрав оставшиеся тюбики с краской, он распределил маленькие капли по своей импровизированной палитре: марс черный, титановый белый, жженая умбра, неаполитанский желтый, немного драгоценного венецианского красного из почти выжатого тюбика. Все это он присыпал мраморной пылью для более быстрого высыхания.

¹ Жорж Рюо – французский живописец.

Придвинув лампу поближе, он начал работать – быстро, самой большой кистью, наносил черный и умбру, заполняя тeneвую сторону лица. Для светлой стороны он смешал белый и неаполитанский желтый и быстро наложил его.

Маленькой заостренной кисточкой он добавил несколько изящных мазков, образовавших нос, глаза и рот, затем смешал киноварь с большим количеством белого, чтобы получился розовый, и закрасил губы, пытаясь запечатлеть слабую обнадеживающую улыбку Жозетт.

В радиоприемнике теперь шли одни помехи, но он не отрывался от картины. Погрузившись в работу, он рисовал тени под носом и подбородком, маленьким штрихом обозначил ресницы... Нужно было спешить, артиллерийская канонада звучала все ближе.

Несколькими широкими мазками он выделил лоб и верхнюю часть носа. Затем добавил светлые блики в уголках губ и жирной белой точкой – убедительную слезинку в глазу. Ее не было на фотографии, но Жозетт так часто плакала в последние четыре года, что он мог нарисовать ее слезы по памяти.

На этом он закончил. Не было смысла трудиться над картиной, которая однажды будет уничтожена. Он перевернул ее, написал на обороте «1944», вытер руки и поставил картину перед вентилятором.

Потом он еще пару минут крутил ручку настройки радиоприемника – на этот раз, чтобы найти станцию Сопротивле-

ния и зашифрованную инструкцию, куда доставить картину.

Нью-Йорк, Стэнфордвилл

Наши дни

«Антикварный амбар» представлял собой два этажа, набитые старой мебелью, посудой, лампами, детскими колясками, поеденной молью одеждой, стопками заплесневелых книг и журналов. В воздухе витала пьянящая смесь плесени и пыли. Но здесь, среди хлама, был предмет, который Талли пообещал найти.

Несколько человек слонялись вокруг, роясь в чужом мусоре. Талли подошел к прилавку и, выудив из кармана пачку жевательной резинки, принялся рассматривать старые предвыборные значки.

– Вам помочь? – спросил старик. Ему было за семьдесят, редущие волосы собраны в пучок на затылке, фланелевая рубашка, джинсовый комбинезон, верх которого был украшен нашивками и булавками – *Grateful Dead*, *Jefferson Airplane*², Джоан Баэз, Джими Хендрикс, радуги и знаки мира. Живой экспонат музея Вудстока.

– Почему вот эта? – Талли указал на значок Макговерна/Шрайвера³.

² Американские рок-группы 1960-х годов.

³ Предвыборный значок 1972 года.

– О, это ценная штука, – оживился старый хиппи. – Не могу расстаться с ней меньше чем за десять баксов.

Талли предложил пять, сошлись на шести. Потрогав свою бейсболку и накладные усы, чтобы убедиться, что они еще на месте, Талли попросил пакет.

– Это обойдется вам еще в пять центов, – сказал старый хиппи. – За экологию же боремся.

– Куда ж деваться, – откликнулся Талли и улыбнулся пошире.

– Я Кэл, – сообщил старик и протянул руку с потрескавшимися грязными ногтями. Сделав усилие над собой, Талли пожал ее и поведал антиквару свою легенду про жену, которая решила обставить дом в «стиле сороковых». Нет ли у хозяина каких-нибудь картин той эпохи?

Кэл повел Талли на второй этаж, где показал несколько пейзажей в рамках, стоявших на пыльном полу; все это было не то.

– Жена хочет какой-нибудь портрет, – сообщил он, на что Кэл ответил, что только что продал последний.

– Вот досада, – Талли и впрямь чуть не выругался и, с трудом взяв себя в руки, спросил: – Что за портрет, интересный?

– Э-э, женский, в основном, в черно-белых тонах.

– Черт возьми... Очень похоже на то, что ищет моя жена.

– Да там ничего особенного, – отозвался Кэл, – но женщине, которая его купила, понравилось.

Так, покупатель – женщина.

– Знакомая?

– Нет. – Старик поправил комбинезон. – Но я знаю ее по-другу, она местная, постоянно приходит, декоратор, половину домов в округе обставила антикварными безделушками.

Пока Талли ломал голову, как выудить из Кэла побольше информации, не вызывая подозрений, тот вдруг сказал, что покупательница взяла еще и лампу.

– Настоящий Маккой⁴, – добавил он и пустился в рассказ о гончарной компании начала прошлого века в Огайо, о том, как вазы носили имя владельца, о различных цветах: «горчичный, бирюзовый, цвета слоновой кости...»

Поугукав требуемое количество раз, Талли спросил, остались ли у Кэла еще такие вазочки. Старый хиппи показал несколько штук, и Талли купил две: зеленую и горчично-желтую. Пока Кэл заворачивал их, Талли добавил подробностей о своей выдуманной жене и недавно купленном доме, который тоже был выдуман, но нуждался в опытном дизайнере, «вот таком, как эта ваша местная девушка, которая уже помогла стольким людям».

Порывшись в стопке визитных карточек рядом с кассовым аппаратом, старик протянул ему одну из них.

Шэрон Макинтош, дизайнер интерьерера.

Черт возьми, подумал Талли, обожаю захолустье.

Кэл даже вызвался немедленно ей позвонить и достал со-

⁴ McCoy – марка керамики, производившейся в США в начале XX века.

ТОВЫЙ.

Талли отправил в рот новую порцию жвачки и позволил старому хиппи обрадовать Шэрон известием, что он нашел ей нового клиента.

Нью-Йорк, Бауэри

Наши дни

Лучи утреннего солнца проникали сквозь стеклянную стену, падали на палитру и на незаконченные картины, стоявшие у стен моей студии в Бауэри: мои новые работы для предстоящей выставки, первой за четыре года, да еще в галерее Маттиа Бюлера, одной из лучших галерей Нью-Йорка. Даже не думал, что судьба подарит мне второй шанс. А все благодаря моему другу Джуду, искусствоведа и эксперту-аукционисту, который знает всех в мире искусства; он лично привел галериста Маттиа Бюлера ко мне в студию и расхваливал меня как мог.

Мои новые картины представляли собой смесь человеческих фигур, деталей интерьера и частей города, которые я видел из окон; я отступил от абстракционизма, которым был известен, но все еще искал что-то, что вывело бы работы на другой уровень и выделило их в ряду других.

Обмакнув кисть в ярко-красный кадмий, я очертил обнаженную фигуру, которая занимала большую часть шестифутового холста. У меня не было уверенности, что Аликс понравится это творение. Картину я писал с нее, но переделывал столько раз, что сбился со счета. Аликс жаловалась и предлагала мне найти другую модель, но это было бы уже не

то. С ней никто не мог сравниться.

Прошел год с тех пор, как мы встретились в Италии. Свел нас сумасшедший случай, и я был рад, что вернулся в Нью-Йорк, и просто счастлив, что мы с Аликс живем вместе. Ну, не совсем вместе. Ночевала она чаще всего здесь, но сохранила за собой квартиру в Мюррей-Хилл в качестве «запасного аэродрома».

Взглянув еще раз на картину – я слегка закрасил лицо, сделав его неузнаваемым и таинственным – я на мгновение задумался. Есть что-то в Аликс, чего я до сих пор не знаю. Не сказать, чтобы я сам был открытой книгой; я мало кого подпускаю к себе, на этот факт указывала каждая из моих бывших подруг. Но об Аликс мне хотелось знать все. И быть с ней все время; когда она уходила, я сразу же начинал по ней скучать. Вот как сейчас, когда она отправилась навестить мать. Раз в две недели она отправлялась в центр по уходу за больными стариками в Стэнфордвилле, в двух часах езды от города.

Поработав еще час, я снял пластиковые перчатки, сунул кисти в банки с растворителем и снял рабочую одежду. Когда я, помыв руки, надевал чистую рубашку, скрипнул грузовой лифт, и послышался голос Аликс: «Я дома!» Слова, которые меня всякий раз волновали.

Я обнял ее, и она прижалась к моей груди.

– Я скучал по тебе, – признался я и добавил, посмотрев на ее лицо: – Что-нибудь не так?

– Мама... – ответила Аликс. – Иногда она совершенно меня не узнает.

Я обнял ее покрепче, и она ответила на объятие, но через минуту высвободилась и через силу улыбнулась.

– Шэрон передает привет самому красивому мужчине Нью-Йорка, – сказала она.

– Так надо найти его и передать, – ответил я. Аликс рассмеялась и стала развивать эту тему. Ее старая подруга Шэрон слишком молода, чтобы жить одной «в этом одиноком старом доме», нет ли у меня подходящего знакомого, с кем ее можно было бы свести, вот, например, Рон?

– Хочешь свести ее с эгоистичным самовлюбленным художником?

– Ну, нет, это бремя не для нее, это я сама... – И она погладила меня по щеке.

– Ха! – только и сказал я, а потом увидел какие-то пакеты рядом с ее сумкой и спросил, что там такое.

Из одного пакета Аликс достала лампу и объяснила, что она сделана из старой маккоевской вазы, ценная коллекционная вещь, по словам владельца антикварного магазина, старого хиппи, у которого на все есть своя история.

– А там?

Опустившись на колени, Аликс развернула картину, затем отнесла ее в гостиную и поставила на длинный обеденный стол. Это был небольшой портрет молодой женщины, половина ее лица была нарисована белой краской на почти чер-

ном фоне.

– Как тебе? – спросила она.

Манера письма уверенная, и отблеск в глазах женщины художник изобразил очень правдоподобно. Я посмотрел на обратную сторону. Подписи не было. Только дата, 1944 год, хотя картина выглядела старше, подрамники потрескались, холст был сильно испачкан.

– Старый хиппи не сказал, чья это работа?

– Нет, он купил ее на распродаже недвижимости и ничего о ней не знает. Но он отдал ее всего за двадцать пять долларов, и мне она понравилась, смотри, какой у женщины смелый взгляд...

– Да ничего... – пробормотал я.

– Высокая оценка творца! – засмеялась Аликс и пожаловалась, что Шэрон не позволила ей купить для меня костюм стилиаги сороковых годов.

– Благослови ее Господь. – Я рефлекторно осенил себя крестным знаменем – все, что осталось от моего католического воспитания.

В памяти всплыло кладбище в Джерси-Сити: промозглым весенним днем я год назад стоял на могиле отца, обнимая маму, а она, маленькая и хрупкая, прижималась к своему шестифутовому детине, и новый пастор из церкви Святой Марии произносил двухминутную прощальную речь «скромному человеку, любившему семью и друзей», которая лишней раз доказывала, что он не был знаком с моим отцом.

Осмотрев картину повнимательнее, я заметил, что краска на ней сильно потрескалась, и предложил Аликс отреставрировать ее, если уж она ей небезразлична.

– Хотелось бы узнать о ней побольше, прежде чем вкладывать в нее деньги, – неуверенно произнесла она и спросила, как продвигается моя работа. Мы перешли в студию, где она показала, какие картины ей нравятся, а какие – не очень, всегда тактично поясняя почему. Я внимал. У нее хороший глаз, и вообще она профессионал, готовилась защищать диссертацию по искусствоведению.

После этого мы ели мои фирменные баклажаны с пармезаном (одно из немногих блюд, которые я умею готовить). Аликс налила себе вина, а я пил «Пеллегрينو». Потом Аликс перенесла купленную картину в спальню и водрузила ее на телевизор. Мы забрались в постель, включили телевизор и посмотрели старый фильм нуар, один из моих любимых, «Из прошлого», историю о том, как прошлое может вернуться, чтобы разрушить настоящее.

Когда кино закончилось, Аликс рассказала о поездке к маме и снова загрустила. Она ткнула пальцем в татуировку с изображением Бейоннского моста у меня на предплечье, я напряг мышцы, и мост расширился, и она рассмеялась: больше года прошло, а ее это все еще забавляло. Татуировку я сделал в пятнадцать лет, вместе со словами «Килл-Ван-Калл» – мы с пацанами называли свою шайку по названию канала, проходившего под мостом, где мы пили пиво, курили

травку и думали, где бы найти приключений.

Я обнял Аликс, поцеловал ее, и мы выскользнули из одежды. Свет сквозь жалюзи падал на ее волосы и золотистый пушок на щеках, который я ласкал, а она играла с вихрами у меня на затылке и говорила, что мне нужно подстричься. Потом мы не спеша позанимались любовью и заснули в объятиях друг друга.

Через какое-то время – может, через две минуты или через два часа – Аликс начала разговаривать во сне, и я проснулся. Она всегда бормочет во сне, когда расстроена. Видимо, поездка к матери далась тяжело. Я погладил ее по щеке и прошептал: «Все будет хорошо». Она перевернулась на живот, и я гладил ее по спине, пока ее дыхание снова не выровнялось. Я посмотрел на часы – почти три часа ночи – поднялся и пошел в туалет, а на обратном пути случайно задел телевизор, и картина свалилась на пол.

Аликс вскинулась на постели.

Я прошептал: «Ничего страшного», и она снова заснула, а мне не спалось. Подняв картину с пола, я отнес ее в гостиную и водрузил на деревянный стол. Не считая городского шума, сирен, мусоровозов, автомобильных гудков и сигнализации, в Бауэри было так тихо, как никогда.

Я снова обратил внимание, как сильно потрескалась краска. Когда я дотронулся до нижнего угла картины, один кусочек даже отвалился. Я наклонился, вглядываясь в открывшееся под ним светлое пятно.

3

Утром картина лежала там, где я ее оставил. Аликс была в университете. Осмотрев при свете дня то место, которое я случайно отколочил ночью, я увидел, что под краской было что-то вроде бумаги, и у меня возникло искушение отколочь еще. Но нужно было дождаться Аликс, и я занялся заметками, которые делал для лекции о Сезанне. Я любил этого художника, хоть он и оказался не на той стороне в знаменитом деле Дрейфуса. Если выбирать художников, основывая суждения на фактах биографии, список окажется слишком коротким. Каждые несколько минут мой взгляд возвращался к странной картине, и как только Аликс вернулась домой, я показал ей открывшийся участок. Она наклонилась, чтобы рассмотреть его поближе.

– Так ты думаешь, под краской что-то есть?

– Ты не хочешь это выяснить?

Аликс на мгновение задумалась, потом сказала, что ей не впервой выбрасывать на ветер двадцать пять долларов, сделала несколько снимков картины на память и отдала мне ее на растерзание.

Мы перенесли картину в мою студию, где я выбрал самый острый мастихин, постоял с ним несколько секунд в нерешительности, затем подсунул его под краску в нижнем углу, где был отвалившийся кусок. Лезвие легко отколупнуло еще

один кусочек краски, и мы чуть не стукнулись лбами, пытаюсь рассмотреть, что под ним.

– погоди, – Аликс сходила за увеличительным стеклом. – Это точно бумага, – подтвердила она мою догадку и велела мне продолжать.

Я провел ножом под краской, отслоив еще несколько фрагментов. Аликс сделала еще один снимок, и я продолжил работу.

Когда я удалил примерно четверть краски, вместо нижней половины лица женщины был ясно виден слой бумаги. Она была тонкой, как калька, и выкрашена в белый цвет.

– Кто-то приложил немало усилий, но пока непонятно зачем, – произнес я и, поспешив вернуться к работе, снял вместе с краской немного кожи у себя с костяшек пальцев.

Аликс поморщилась и отвела меня в ванную, где я смыл кровь, а она наложила антибактериальную мазь и пару пластырей. Она разглядела у меня пятнышко крови на футболке, и мне пришлось оголить торс. Аликс немедленно похлопала меня по спине и спросила: «Как дела, Мона?» – обращаясь к татуировке Моны Лизы, занимающей большую часть моей спины. Татуировку я сделал в честь своего прадеда и его печально известной кражи.

Переодевшись, я вернулся к работе, стараясь выполнять ее осторожней. Дело шло медленно. Больше часа ушло на то, чтобы удалить остальную часть лица женщины. Наконец, белая бумага была вся очищена от краски. Но под ней также

проступали бугры и выступы.

– Там определенно что-то есть, – произнесла Аликс – Продолжай.

Я взял плоский мастихин подлиннее, осторожно провел им под бумагой и приподнял.

– Там другая картина! – воскликнула Аликс, и мы оба уставились на несколько обнажившихся дюймов густой краски, в основном темно-синего цвета с вкраплениями зеленого.

Я снова подсунул мастихин под бумагу, но на сей раз она порвалась. Я отложил нож в сторону и осторожно потянул пальцами бумагу, оторвав еще один кусочек, примерно в квадратный дюйм. Тогда я принялся кропотливо отрывать кусочки бумаги дюйм за дюймом. Работа пошла еще медленнее, бумага с трудом отклеивалась от нижнего слоя краски, но я не сдавался. Аликс стояла рядом, фотографировала и подбадривала меня. Наконец, обнажилась нижняя половина картины.

– Это что, коровы?

Я оторвал еще несколько дюймов бумаги, и мы оба затаили дыхание, когда открылись пиджак, жилетка и рубашка, нарисованные такими тяжелыми, выразительными мазками, что стиль невозможно было не узнать – но ведь этого не может быть...

– Продолжай, – выдохнула Аликс, делая еще один снимок; руки у нее дрожали.

Я снял большую часть бумаги, оставалась только большая неровная полоса, скрывающая верхнюю треть картины. По-

ставив картину вертикально на стол, я откинулся на спинку стула, и мы стали разглядывать – оба практически разинув рты – портрет рыжебородого мужчины со знакомым изможденным лицом и затравленным взглядом.

– Этого не может быть, – повторяла Аликс. – Разве это возможно?

Я сказал, что не знаю, и вернулся к работе. Под последними кусочками бумаги открылись волосы, светло-рыжие с желтыми и зелеными вкраплениями; каждый волос был прописан жирным мазком, будто вылеплен.

В нескольких местах еще торчали несколько упрямых кусочков бумаги, но картина была видна теперь практически полностью – лицо, борода, переливчатый синий фон, а внизу полоска земли и две маленькие коровы.

– Осмелюсь предположить, Ван Гог? – спросила Аликс, переводя взгляд с картины на меня. – Но это же невозможно, правда? – Она еще раз сфотографировала портрет, потом отложила телефон и придвинула мой ноутбук. Постучав немного по клавиатуре, она повернула ноутбук в мою сторону.

– Вот, все известные автопортреты Ван Гога, по годам, с указанием места нахождения. – Она просмотрела все тридцать восемь картин, поочередно увеличивая их изображения, и прочитала вслух подпись под последней: «Возможно, это последний автопортрет Ван Гога, написанный в 1889 году, коллекция музея Орсе, Париж». – Аликс оторвала взгляд

от экрана и повторила: «Возможно».

Я сравнил портрет на экране с тем, что стоял перед нами на столе. Сходство было поразительным.

– На картине нет знаменитой подписи «Винсент», – заметил я.

Аликс напомнила, что Ван Гог, как и многие другие художники, подписывал картины только перед отправкой на выставку или продажей, поэтому многие остались неподписанными. Потом она долго осматривала картину, разглядывая каждый дюйм под увеличительным стеклом и перечисляя различные атрибуты живописи Ван Гога. Аликс отнесла портрет к «позднему стилю, если можно назвать что-либо им созданное поздним, ведь он умер в тридцать семь лет», и продолжала говорить о том, как много он успел сделать. «Больше двух тысяч работ за всю жизнь, большинство всего за одно десятилетие, семьдесят – за последние месяцы жизни!» – сообщила она, ссылаясь на письма, которые Винсент писал своему брату Тео. Потом спросила, читал ли я эти письма, и узнав, что нет, настоятельно посоветовала это сделать.

Я обещал непременно прочитать их. Аликс продолжала изучать картину, сосредоточенно постукивая пальцем по губам, что не мешало ей читать мне лекцию о смерти Винсента.

– Он ведь застрелился? – спросил я.

– Так считается, но точно никто не знает. Свидетелей не было, пистолет был найден только в девяностых, если это во-

обще тот пистолет. К тому же мольберт Ван Гога, его холст и краски пропали в тот же день, как будто кто-то скрывал следы преступления.

– Думаешь, его убили?

Аликс сказала, что это одна из версий, есть и другие. несчастный случай или самоубийство.

– Но дело не в этом. Любопытно описание похорон, которое сохранилось в письме его молодого друга-художника Эмиля Бернара. – Аликс откинулась на спинку стула и закрыла глаза. – Тело Винсента лежало в ореоле желтых цветов, рядом с его последними полотнами, пейзажами и натюрмортами, а также двумя автопортретами... Вот оно, два автопортрета! – Она открыла глаза и указала на экран ноутбука. – Этот и еще один, который так и не нашли. Либо картина потерялась, либо кто-то ее забрал. – Аликс оглянулась на недавно обнаруженный автопортрет. – Может быть, это он, потерянный Ван Гог?

Мне очень не хотелось занудствовать, но я высказал предположение, что картина может быть подделкой.

– Тогда зачем прятать ее под другой картиной? Слишком много возни, чтобы скрыть подделку, – резонно ответила Аликс. – Что-то еще я читала или слышала недавно о поддельных Ван Гогах... но сейчас уже не помню. Переволновалась.

Я заверил, что она еще вспомнит это, и мы поговорили о том, как подтвердить подлинность картины. Это можно было

сделать в одном из аукционных домов. Я даже предложил обратиться на шоу Би-би-си «*Fake or Fortune*», где исследуют произведения искусства и их происхождение.

Аликс эта идея не понравилась. Она не хотела участвовать в телешоу или в рекламе, сказав, что выбирает аукционный дом. Вернее, выберет один из них и позвонит туда завтра утром.

– Дайте мне хоть одну ночь помечтать, что это подлинник.

– Пожалуйста, – ответил я, но сам подумал о другом: а вдруг картина краденая?

В своей синей в белую полоску ночной рубашке, без макияжа, с мокрыми после душа волосами, собранными сзади в пучок, Аликс выглядела лет на шестнадцать. Она уже держала сотовый возле уха.

– Очень хорошо... Спасибо, до встречи. – Она положила телефон на стол и повернулась ко мне. – Все, договорилась.

Я отставил кружку с кофе и протер глаза, пытаюсь прогнать сонливость. После нашего вчерашнего открытия я скачал девятисотстраничную биографию Ван Гога за авторством Стивена Найфе и Грегори Уайт-Смита вместе с собранием писем художника и читал далеко за полночь. Я спросил Аликс, о чем она договорилась, и она объяснила, что речь идет о встрече, которую ей назначили в аукционном доме Нижнего Ист-Сайда через знакомую, коллегу-аспирантку.

– Ее зовут Дженнифер. Ты просто ее никогда не видел, иначе бы запомнил. Она очень красивая, и к тому же умная. Мы недавно подружились, – Аликс в хорошем темпе рассказала, что Дженнифер подрабатывает в аукционном доме, новом и очень крутом; он находился возле старой синагоги на Элдридж-стрит, всего в шести или семи кварталах от нашего обиталища, хотя я там никогда не был. – Дженнифер свела меня со специалисткой по постимпрессионизму из этого аукционного дома, мисс Ван Страатен, которая готова встре-

титься со мной сегодня днем. – Аликс решила забежать за картиной после занятий, а перед этим заглянуть к себе на квартиру забрать почту. Мне удалось прервать ее, предложив свои услуги в доставке картины прямо сейчас, до начала ее занятий, но Аликс отказалась.

– Покажу ее специалисту, если она сходу не скажет, что это подделка, – сказала она и попросила упаковать наш шедевр.

Я отнес картину в свою студию и измерил: где-то двадцать на семнадцать дюймов. Посмотрев еще раз на лицо Ван Гога, я накрыл его листом пергаментной бумаги и слоем пузырчатой пленки, затем нашел большую дорожную сумку, уложил туда картину и наложил туда еще пленки для сохранности.

Вошла Аликс, вся из себя нарядная: шелковая блузка, черные брюки, туфли на высоких каблуках.

– Мне кажется, если хорошо одеваешься, люди воспринимают тебя всерьез. – Она подняла ногу и показала красную подошву. – Моя единственная пара лабутенов, – вздохнула Аликс. – Они меня покалечат, но смотрятся хорошо.

Плохо понимая, о чем речь, я охотно согласился, что вид великолепный, и наклонился погладить ей ногу. Она ласково убрала мою руку.

– Мне пора на занятия, а перед этим мы с Дженнифер договорились встретиться за кофе.

Я показал ей сумку и то место, куда спрячу картину, когда уйду на лекцию. Мне не нравилось оставлять портрет там,

где его кто-нибудь мог увидеть. За то время, что я здесь прожил, ко мне в квартиру только один раз влезли, но я не хотел рисковать.

– У тебя усталый вид, – сказала Аликс и провела рукой по моей щеке.

Я признался, что полночи читал о Ван Гоге и о том, что его отец и дед были пасторами, и как он учился на пастора, но потерпел неудачу, и о его трудной жизни и борьбе... хотя я умолчал, как много у меня общего с этим художником: его тоже не понимали и не поддерживали родители, да и его искусство значило для меня очень много. Впрочем, Аликс уже знала много о нем и слишком много обо мне: о моей жизни, пьянстве, постановке на учет в полиции – о том пути саморазрушения, на который я когда-то встал, и о том, кем я мог бы стать, если бы не нашел дороги в искусство.

– «Поступай правильно и не оглядывайся назад, и все сложится хорошо», – процитировал я. – Из письма Винсента брату. Я прочитал их штук тридцать.

– Осталось всего две тысячи, – улыбнулась Аликс, накинула шарф и обещала позвонить после того, как специалистка аукционного дома сообщит, подлинный Ван Гог попал нам в руки или это подделка.

Вот бы все дела были такими простыми.

Талли смотрел на извилистое шоссе Таконик Парквей – в утреннем свете деревья вдалеке сливались в бледно-зеленые пятна. Настроение было хорошее, информация добывалась легко. В качестве награды себе Талли развернул очередную пластинку жвачки и отправил в рот – привычка, выработавшаяся после того, как он бросил курить в четвертый или пятый раз в жизни.

Шэрон Макинтош оказалась хорошенькой – длинные блестящие волосы, мешковатые джинсы и свободная джинсовая рубашка не могли скрыть ее форм.

– Извините за вторжение, – сказал Талли с хорошо отработанной улыбкой. На нем был новый костюм, очки а-ля Джон Леннон в тонкой оправе, усы а-ля Дэвид Кросби, бейсболку он снял, а песочно-седые волосы по-мальчишески взъерошил, чтобы выглядеть как можно более безобидно. С той же целью он изобразил легкую сутулость. Занятия актерским мастерством давали свои плоды.

– Кэл говорит, что вы тут самый лучший специалист, – произнес он и начал плести улыбающейся Шэрон про дом, который недавно купил в Ред-Хуке (недалеко, но и не слишком близко; подробности он уточнил в Гугле по пути сюда), и что хочет обставить его в стиле «ранней Америки», и меж-

ду прочим добавил, что разведен и детей у него нет.

После экскурсии по дому Шэрон сварила кофе, они сели за кухонный стол, и она принялась задавать вопросы о его новом доме и записывать его с ходу придуманные ответы. Он рассказал о керамике Маккоя, упомянув несколько деталей, которые узнал у Кэла, и о том, что сам он ищет вазы, из которых можно сделать светильники.

– Вы шутите! – воскликнула Шэрон. – Моя подруга Аликс только что купила маккоевскую лампу у Кэла.

– Теперь моя очередь сказать: вы шутите? У меня есть знакомая по имени Аликс, которая коллекционирует такую керамику. Может быть, у нас есть общие знакомые?

– Моя Аликс – это уменьшительное от Алексис. – Она заглотила наживку.

– Ну да! Как и моя.

– Алексис Верде?

– А, нет. – Огорчение на лице. – Алексис Берковиц. Но все равно совпадение. Я имею в виду, что они обе коллекционируют керамику Маккоя. Ваша Аликс живет здесь?

– В городе. Мюррей-Хилл, – уточнила Шэрон и спросила, знает ли он, где это, и он сказал «нет», хотя знал. Талли с улыбкой слушал ее объяснения, что это в Ист-Сайде на Манхэттене, в районе тридцатых улиц. Вот как он умеет заставить людей рассказывать ему то, о чем он даже не спрашивал. Затем он пошел к своей (взятой напрокат) машине, и вернулся с двумя вазами от Маккоя.

– Я купил это для Аликс, Берковиц, а не Верде. Так ведь, да? Как «зеленый» по-итальянски? – Она кивнула, и теперь он знал, как пишется эта фамилия. – Но вы очень милая, и я хочу, чтобы одна из них осталась у вас.

Шэрон стала отказываться, но он настаивал, и она в конце концов выбрала зеленую и предложила ему еще чашечку кофе, но он уже получил то, за чем пришел, и сказал, что ему пора. Она напомнила, что ждет по электронной почте фотографии его нового дома, и Талли пообещал вскорости их выслать. Непременно.

Через два часа, припарковав машину на открытой стоянке, он стоял на Манхэттене, наблюдая за зданием в Мюррей-Хилл, адрес которого легко нашел в Интернете, но Алексис Верде пока не появлялась.

Он уже успел поговорить с привратником, который подтвердил, что Верде здесь живет, но ее нет дома. Теперь, с противоположной стороны Тридцать Второй улицы, он смотрел на здание, наблюдая, как один консьерж сдает смену, а другой заступает. Потом он увидел приближавшуюся по улице блондинку и сверился с фотографиями, которые нашел в Фейсбуке и Инстаграме. Талли подошел на несколько шагов ближе, встал за перегородкой автобусной остановки и проследил, как Верде направилась к подъездной дорожке здания, где остановилась поболтать со швейцаром. Он наблюдал за их пантомимой: ее легкой улыбкой, игривой ух-

мылкой привратника – потом она скрылась в здании. Талли выждал десять минут, затем направился к дому, приготовив речь для Алексис Верде: «Старый друг Шэрон, только что о вас говорили...»

Он собирался перейти улицу, когда она вышла из здания, перебирая толстую стопку конвертов и журналов. Она была еще красивее, чем на фотографиях, стройная и стильная, из тех девушек, которые не обращают на него внимания, что сейчас очень кстати. Она направилась в центр города по Лексингтон-авеню, и он последовал за ней. Улица была многолюдной, и идти за блондинкой, держась за спинами нескольких человек, было легко.

Талли увидел, как Верде положила половину почты в сумку, а остальное выбросила в урну и пошла дальше. Дав ей отойти, он натянул пластиковые перчатки и достал почту из мусора, заработав брезгливый взгляд от какой-то хорошо одетой женщины. Просмотрев объявления для жильцов, он нашел адресованное конкретно Алексис Верде и убедился, что это действительно она. Остальное он выбросил обратно в урну и пошел дальше, глядя, как элегантная блондинка переходит улицу: черные брюки, туфли на высоких каблуках, легкий светло-серый шарф тянется следом, как дымок.

На светофоре загорелся красный; Талли все же бросился через дорогу, уворачиваясь от машин, но, когда он выбрался на другую сторону, Верде уже исчезла. Обшаривая глазами улицу и ругаясь, Талли добежал до угла, где успел заметить

ее у входа в метро.

Стоя в нескольких шагах от нее на платформе, он краем глаза наблюдал за ней, подождал, пока подойдет поезд и она сядет в него. Талли зашел следом. Свободные места были, но она не стала садиться, и он тоже встал, спиной к ней, но так близко, что чувствовал запах ее духов. На подходе к станции поезд резко затормозил, и он потерял равновесие; Верде протянула руку и спросила, все ли с ним в порядке, ее голос едва было слышно за скрежетом открывающихся и закрывающихся металлических дверей, и поезд снова тронулся.

Он кивнул и отошел, чтобы она не запомнила его, хотя он добавил к своему костюму темные очки и другую бейсболку. Талли стал смотреть на красочную рекламу средства от угрей – и зря: рука непроизвольно потянулась к щеке, где остались следы подростковых оспин – повод для насмешек, настолько обидных, что он погрузился в воспоминания и чуть не потерял Верде, когда она вышла на следующей остановке.

На улице солнце сияло так ярко, что даже в темных очках приходилось щуриться; люди шли быстро, и она тоже. Талли окинул взглядом мешанину зданий Бауэри, новых, старых, чугунных, с впечатляющими фасадами и богато украшенными деталями, замедлил шаг, лавируя между посетителями, толпящимися в кафе перед гостиницей, и у него мелькнула мысль: хорошо бы посидеть здесь с этой блондинкой, а не бегать за ней.

Она остановилась и заглянула в здание со стеклянным фа-

садом, и Талли, добравшись туда, сделал то же самое. Он запомнил название: «Новый музей» – и окинул взглядом модернистскую башню в форме зиккурата⁵. Это напомнило ему об одном из его любимых курсов в местном колледже – «История западного искусства».

Верде перешла улицу, и он последовал за ней, подождал, пока она вставляла ключ в разрисованную дверь большого кирпичного здания. Когда дверь за ней закрылась, он проверил звонки – никаких имен, только номера – и отошел, давая ей несколько минут на срочные дела.

На углу двое молодых парней явно приторговывали наркотиками перед зданием Миссии Бауэри⁶. Талли рассеянно понаблюдал за ними и пошел обратно к дому. Он уже готов был нажимать все звонки подряд, репетировал свою историю о ее подруге Шэрон, когда дверь распахнулась, и он столкнулся с блондинкой лицом к лицу. Талли попятился, но она успела разглядеть его, и он тоже заметил холщовую сумку у нее на плече, которой у нее раньше не было. Как раз подходящий размер для картины.

– Вам помочь? – спросила она.

Талли отрицательно покачал головой, погладил усы, чтобы убедиться, что они еще на месте, и пошел прочь, не решаясь оглянуться.

⁵ Зиккурат представляет собой башню из поставленных друг на друга параллелепипедов или усеченных пирамид.

⁶ Благотворительная организация, занимающаяся помощью бездомным и т. п.

Несколько секунд он раздумывал, затем вернулся к зданию Миссии. Подозвав двух юных наркоторговцев, Талли сказал им, что ему нужна «вон та сумка» и указал на блондинку, которая уже успела отойти на полквартила. Он вручил каждому торчку по пятидесятидолларовой купюре и пообещал еще столько же, если они вернуться с сумкой.

Талли успел потратить три пластинки жевательной резинки и бессчетное количество раз посмотреть на часы, прежде чем парни вернулись с пакетом: прошло целых семнадцать минут.

– Что так долго? – не удержался он.

Один нарик сказал, что им пришлось подыскать подходящее место. Другой, приняв позу из хип-хопа, добавил:

– Пришлось уронить тело на пол, чувак.

– Что? – У Талли пересохло в горле. – Она... хоть жива?

– Она не хотела отдавать эту гребаную сумку!

– Она тут, в переулке неподалеку... – добавил другой.

Талли дал им еще по пятьдесят баксов, и они исчезли. Пытаясь привести мысли в порядок, он запустил руку в сумку, нащупал край чего-то прямоугольного и твердого, и разорвал пузырчатую пленку ровно настолько, чтобы увидеть край холста.

Метро до Квинса было переполнено. Талли стоял, повторяя про себя слова того типа.

«Пришлось уронить тело на пол, чувак».

Господи, они что, убили ее? Это совсем не то, чего он хотел. Его дело – искать, а не убивать людей. Талли крепче вцепился в поручень, прижимая сумку к груди. Но он же ни в чем не виноват, правда? Он только сказал им забрать сумку, а не убивать Верде!

Вернувшись в свой маленький офис в Лонг-Айленд-Сити, он достал картину, снял еще несколько дюймов пузырячатой пленки и окаменел. Это была не та картина, за которой он охотился. Вот дерьмо! Он добыл не ту картину! Как такое могло случиться? Он содрал оставшуюся пузырячатую пленку, перевернул картину, чтобы сравнить обратную сторону с фотографией, которую ему прислали: все совпадает, дата, 1944 год, даже пятна на холсте.

Оборотная сторона совпадает. А лицевая нет. Какого хрена?

Талли посидел несколько минут, вспоминая уроки по истории западного искусства. Это было давно, и он мало что помнил, но художника на картине невозможно было забыть или с кем-нибудь спутать.

Быстрый поиск в Интернете подтвердил его догадки. Ни одна из картин не соответствует в точности, но как похоже... Талли выудил из ящика стола старую пачку сигарет, прикурил и затянулся. Опять сорвался, но это сейчас не важно; нужно подумать, разобраться во всем этом.

Талли вытащил из стопки комикс про Джимми Олсена, первый в серии. Он обошелся ему почти в четыреста долла-

ров на eBay – больше, чем он когда-либо тратил на один комикс, но оно того стоило, это коллекция, которую он считал своим пенсионным фондом. Но и это сейчас не имело значения.

Он снова посмотрел на картину и сделал дрожащими руками пару снимков на мобильный телефон. В голове у него постепенно созревал план.

Аликс лежала на диване с заплывшим глазом, а я прижимал пакет со льдом к ее щеке.

– Если бы я там был, я бы их прикончил!

Я никогда никого не убивал, хотя в этот момент, кажется, мог бы. Аликс с пакетом льда у щеки в который раз объясняла, как пара добрых самаритян помогла ей подняться и проводила домой, и что с ней все в порядке, но я все не мог успокоиться.

– Я в порядке, – повторяла Аликс. – Я знаю, уличный мальчик в тебе просто умирает от желания свернуть кому-нибудь шею, но успокойся, пожалуйста.

– Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы... – выдохнул я.

– Но я в порядке. – Она приложила палец к моим губам. Я еще раз глубоко вздохнул и в третий раз предложил позвонить в полицию.

– И что мы скажем? Что на меня напали и забрали картину, которая может быть мировым шедевром, или подделкой, или краденой, или все сразу. Ты сам-то хочешь, чтобы эту картину нашла полиция?

Я уступил в этом вопросе, но предложил ей хотя бы обратиться к врачу.

– Маленький сопляк ударил меня разок, и все. Клянусь,

если бы их было не двое...

– Да, ты крутая.

– Но как они узнали, что она у меня?

– Это могло быть просто ограбление, – сказал я.

– Они забрали простую холщовую сумку, а не сумочку от «Прада». Ясно же, они что-то знали.

Это верно: как местные хулиганы узнали, какую сумку брать?

– Меня не волнует, что какой-то мелкий воришка меня ударил. Ну, обидно, но дело не в этом. Мне хотелось быть человеком, который обнаружил мировой шедевр!

Я попытался утешить ее, предположив, что картина могла быть подделкой и стоила немного.

– Тогда почему ее украли? – спросила Аликс, и это был еще один хороший вопрос. – Как ты думаешь, это все? Наше открытие пропало навсегда?

Может быть, да. Может быть, и нет, но я понятия не имел, как найти эту картину. Потом мне пришла в голову в голову идея, и я потянулся за сотовым.

– Погоди-ка. – Порывшись в списке контактов, я нашел нужный номер.

– Кому ты звонишь?

– Человеку, который умеет искать.

8

Джон Вашингтон Смит откинулся на спинку эргономичного кресла, единственной новой вещи в его офисе в центре Манхэттена. Кресло было еще и данью его больной спине. Спину он повредил на предыдущем задании. Ну, не совсем задании. Фактически он ушел в самоволку и чуть не погиб. А если бы он тогда остался жив, но не добился успеха, его выгнали бы из Интерпола.

Положив руки на прожженную окурками столешницу, Смит окинул взглядом пару деревянных стульев с твердыми спинками и потертый кожаный диванчик, оставленный предыдущим арендатором – единственную мебель в выделенном ему помещении.

Над столом в рамке висел его диплом Колледжа уголовного правосудия имени Джона Джея, рекомендация Интерпола за двадцатилетнюю работу аналитиком по кражам произведений искусства и лицензия частного детектива штата Нью-Йорк, срок действия на два года, один из которых почти прошел.

За единственным окном сверкали рекламные щиты Таймс-сквер, мигающая вывеска «Кока-Колы», непрерывно шумели такси, автобусы, автомобили, грохотала бесконечная стройка: прямо напротив, через дорогу, возводили новую гостиницу. Хотя Смит вырос на Манхэттене, он никак не

мог привыкнуть к этому шуму после мертвой тишины штаб-квартиры Интерпола во французском Лионе и однокомнатной квартиры-студии, в которой жил после развода.

Смит думал о звонке Люка Перроне. В последний раз они виделись, когда Смит терял сознание и чуть не умер. То дело завершилось успешно, картина, которую они искали, вернулась на свое законное место. Но дело было засекречено, да и благодарности ему не выразили, только что с работы не выгнали. А потом он понял, что работа эта ему окончательно опостылела, и променял ее вот на это.

Глотнув кофе, Смит ввел было «ПЕРРОНЕ» в календарь на смартфоне, затем стер запись. Лучше не вести никаких заметок. Он разговаривал с Перроне так, словно выкраивал ему по дружбе часок в своем напряженном расписании. Хотя в действительности никаких дел у него не намечалось, если не считать ежедневной тренировки и свидания с женщиной, с которой он познакомился в фитнес-клубе.

Это было всего лишь третье свидание с тех пор, как он вернулся в Нью-Йорк, и, хотя Смицу нравилось считать себя независимым и самодостаточным человеком, чему он научился, пока рос в манхэттенских «домах Баруха», в последнее время ему было одиноко. Он даже скучал по своему офису Интерпола, аналитикам и агентам со всех частей света, всех религий и цветов кожи, так что, казалось, никто не замечал, что он черный. Странно, но здесь, в одном из самых расово разнообразных городов мира, он чувствовал себя по-

другому. Это было постоянной темой для разговоров, пока он рос со своей белой матерью-одиночкой: его отец умер сразу после третьего дня рождения сына, оставив лишь смутное воспоминание о темнокожем мужчине, который держал его за руку, когда он учился ходить, в голове крутились обрывки фраз вроде «Но вахала», что на нигерийском сленге означает «Не беспокойся».

Смит допил кофе, смял стаканчик и выбросил его в мусорное ведро.

Перроне ничего толком не сказал: «картина, возможно, ценная, возможно, подделка, возможно, краденая». Возможно. Слово, которое Смицу не нравилось. Он гордился своей способностью принимать решения и предпринимать действия.

Он просмотрел несколько папок на ноутбуке – старые дела Интерпола, личные контакты в мире искусства, легальном и подпольном, ссылки на базы данных о кражах произведений искусства – и открыл одну из них, *Art Loss Register*, источник последних новостей об украденных произведениях искусства и антиквариате. Ему попалась заметка о возвращении бронзовой скульптуры, украденной из швейцарского музея двадцать лет назад. Это было одно из его первых дел, хотя он и остался в тени. Так часто бывает в Интерполе. Аналитики работают, собирают всю информацию, а затем передают ее местным правоохранительным органам, которым достается вся слава. К этому он должен был привык-

нуть, но так и не привык.

Вторая статья на сайте привлекла его внимание: полиция Испании задержала группу поддельных картин, скупщик и покупатели убиты при аресте, трое погибших, личности не установлены. Вся торговля краденными произведениями искусства – рискованная игра, которая, как он знал по собственному опыту, часто заканчивается катастрофой.

Если Перроне наткнулся на важную подделку или украденный шедевр, он, скорее всего, опять пустился в эти опасные воды, о чем не мог не знать по предыдущему случаю. Готов ли он снова туда окунуться? А готов ли Смит? Не вопрос. Он-то был готов с того момента, как согласился на эту должность. Его готовили к чему-то крупному, по крайней мере, так говорилось, но до сих пор заданий было немного, и они были сравнительно небольшими – перехват украденных произведений искусства в доках и аэропортах, отслеживание теневых денег для заказной кражи.

Терпение, говорили ему. Не самая сильная его сторона...

Поднявшись из-за стола, Смит взял двадцатифунтовую гантель и выжал ее десяток раз, прокручивая в голове разговор с Перроне.

Положив на пол гантель, он потянулся за мобильником, поколебался, затем взял другой, одноразовый⁷. Нужно было сообщить работодателям о Перроне и его картине. Возмож-

⁷ Обычный сотовый телефон, который используется один раз, а затем выбрасывается в целях секретности.

но, ценной. Возможно.

На следующее утро мы с Аликс сидели бок о бок на потертом кожаном диванчике в офисе Смита, который состоял из единственной комнаты в офисном здании на Таймс-сквер, с подмокшими стенами, потрескавшимся линолеумом на полу и окном, из которого открывался вид на рекламные щиты и мигающую вывеску «Кока-Колы» высотой в пять этажей. Выглядело это явно хуже, чем работа в отделе краж произведений искусства в Интерполе, но я знал, что Смита там недооценивали, и понимал, почему он оттуда ушел. В последний раз мы общались по телефону с год назад, когда он только обосновался в Нью-Йорке. Разговор получился каким-то неловким, мы закончили тем, что надо бы как-нибудь встретиться и выпить пивка, но так и не собрались. Слишком тяжелые воспоминания были связаны с нашим знакомством, да и знакомство было вынужденным, так что не было смысла притворяться старыми приятелями. Хотя только его имя пришло мне на ум, когда я стал искать, к кому обратиться.

По дороге я перечислил Аликс все плюсы и минусы этого варианта, и она решила, что попробовать стоит. Так что мы рассказали Смигу, как картина попала к Аликс, как мы обнаружили второй слой и как у Аликс ее отняли. Она показала Смигу фотографии на мобильном телефоне, сделанные во время удаления верхнего слоя, и Смит быстро просмотрел

рел их.

– Я отправляю это на свой телефон, – сказал он и сделал это, не дожидаясь согласия Аликс, затем вернул ей телефон. Мы еще ни о чем не договорились, и его самонадеянность уже начинала меня раздражать.

Рассказывая о нападении, Аликс сняла темные очки.

– Ну и фингал, – проговорил он, знакомым жестом сдвинув на переносицу свои темные очки в тонкой серой оправе. Да и очки были все те же. Смит по-прежнему выглядел так, словно проводил все свободное время в спортзале: бычья шея, закатанные рукава рубашки открывали мощные бицепсы. Стрижка тоже не изменилась, только морщин на лице, кажется, прибавилось.

– Вы можете описать грабителей? – поинтересовался он.

– Один белый, другой черный, оба молодые, хотя все произошло так быстро... Они подошли ко мне сзади и схватили сумку. Я не отпускала ее, и один из них меня ударил.

Меня передернуло, а Смит спросил, говорили ли они что-нибудь, и Аликс ответила, что нет, но потом вспомнила:

– Подождите, когда я упала, они, должно быть, подумали, что я отключилась, и один сказал: «Пошли к миссии».

– Миссия, – задумчиво повторил Смит.

Единственной миссией, которая пришла мне в голову, было здание Миссии Бауэри, через дорогу от моего лофта, и Смит сделал себе пометку.

– Ну что ж, – подытожил он, когда мы закончили рас-

сказ. – Имеется несколько очевидных вещей, заслуживающих внимания. Во-первых, эта миссия, потом антикварный магазин на севере штата, хотя я не уверен, что это нам о чем-то скажет, потому что парень явно не знал, что продает, иначе он никогда бы это не продал. Во-вторых, женщина в аукционном доме. Нам нужно узнать, кому она рассказала о том, что Алексис придет с картиной. Она знала, что именно вы принесете?

– Нет, – ответила Аликс, но Смит этот ответ не устроил.

– Что-то же вы сказали?

– Только то, что это картина по ее специальности.

– Итак, вы не сказали, чья это картина, но вы сузили область предположений. – Смит сделал еще одну пометку, затем спросил, сколько всего было постимпрессионистов, хотя после двадцати лет работы арт-аналитиком в Интерполе он и сам должен был знать.

– В принципе пять, – ответила Аликс. – Ван Гог, Гоген, Сезанн, Сера и Тулуз-Лотрек.

– Все это известные художники, их работы стоят очень дорого. – Смит сунул в рот сигарету.

– До сих пор не бросил? – Я живо вспомнил, как он чадил в номере парижского отеля.

– Бросал. Не возражаете? – Он закурил, не дожидаясь ответа. – Итак, те хулиганы, которые на вас напали... Вероятно, им заплатили, чтобы они отняли картину, и я надеюсь, что это так. Если же это просто пара случайных бродяг, то

открыв пакет и увидев, что это какая-то дурацкая картина, они разозлились и выбросили ее. Она могла уже сгореть с прочим мусором на перерабатывающем заводе.

– Господи! – воскликнула Аликс.

– Не хотел вас пугать, но это не исключено.

– Итак, что ты предлагаешь? – спросил я.

– Пока что я исхожу из предположения, что этим ребятам велели забрать сумку, и тот, кому они ее отдали, и есть тот, за кем мы охотимся, хотя он – или она – могли давно скрыться.

– То есть мы останемся ни с чем? – Голос Аликс дрожал.

– Нет. Может, они и скрылись, но все мы оставляем после себя какой-то след, – философски заметил Смит и попросил Аликс рассказать историю нападения еще раз, но начать пораньше. И она начала с того момента, как забрала картину из лофта, и еще раз повторила, как хулиганы забрали картину у нее. Смит сделал себе еще несколько пометок и несколько раз останавливал ее, уточняя, где именно она была, когда они напали, и заметила ли она кого-нибудь до или после. Сперва Аликс ничего не могла вспомнить, потом ей вспомнился мужчина перед нашим домом в Бауэри.

– Он нажимал на кнопку звонка или собирался это сделать. Я спросила, не нужна ли ему помощь. Не помню, что он сказал, и вообще не обратила на него внимания. Все мысли были о предстоящей встрече в аукционном доме.

– Можете его описать? – Смит объяснил Аликс, как пра-

вильно представить себе тот момент, когда она выходила из дома.

Она закрыла глаза.

– Да, я вижу его... лет под сорок, в темных очках. Он был какой-то невзрачный... Подождите, у него были усы, я вижу, как он их поглаживает и... Подождите, на нем были перчатки. Перчатки из латекса!

– Итак, он хорошо подготовился, – хмыкнул Смит.

– Но ведь о картине никто не знал! – воскликнула Аликс. – Она была скрыта под другой картиной, пока мы ее не обнаружили.

– Это еще не значит, что об этом никто не знал. – Смит сцепил руки на столе. – Ну что ж, можно попытаться найти этого парня. Кроме того, есть смысл поговорить с антикваром и специалисткой из аукционного дома и, может быть, получится найти хулиганов, укравших картину. Если они околачивались перед Миссией Бауэри, то это был не первый и, вероятно, не последний раз. Итак... – Он нацарапал что-то у себя в блокноте и показал нам его. – Моя дневная ставка плюс расходы.

Я был ошеломлен. Не ценой – цена-то была честной – а скоростью, с которой он принял наше дело. Но ведь именно за этим я к нему и пришел?

– Какого рода расходы? – поинтересовался я.

– Поездки. Еда. Лабораторные анализы.

– У тебя что, своя лаборатория?

– Я знаю, к кому обратиться. – Смит посмотрел на меня поверх очков и спросил, устраивают ли меня условия; в его голосе звучала ирония.

Мне уже хотелось отказаться от его услуг. Я вспомнил, каково было работать со Смитом. Хотя тогда он не оставлял мне выбора, угрожал уничтожить меня, если я не буду сотрудничать. Теперь выбор был за мной. Мы могли бы, например, уйти и сделать вид, что я к нему не обращался. Я посмотрел на Аликс, спрашивая взглядом ее мнение о цене, которую запросил Смит за свои услуги, и она ответила взглядом: «Почему бы и нет?»

Я мог бы придумать дюжину причин, почему нет; но Смит заговорил раньше меня, обращаясь к Аликс.

– Перроне говорил, что вы искусствовед и эксперт в этой области?

– Пока учусь, – ответила она.

– Так, навскидку, где, по-вашему, можно найти максимум информации о картинах Ван Гога?

– Навскидку – музей Ван Гога в Амстердаме.

Смит повернулся к своему компьютеру и начал печатать. Я спросил, не ищет ли он кураторов музея.

– Нет. Смотрю рейсы на Амстердам. Эконом или бизнес-класс?

Аликс, вытаращив глаза, посмотрела на меня, затем снова на Смита.

– Вы серьезно?

– А вы? – парировал он.

Она спросила, когда поедет, и Смит принялся перечислять на пальцах:

– Сначала нужно съездить в этот ваш пригород, потом проверить Миссию Бауэри и попытаться разыскать грабителей и этого вашего незнакомца в перчатках. Итого пять или шесть дней, ну, для верности, неделя. Начиная, скажем, со вторника. Ну, как, готовы? – Его пальцы застыли над клавиатурой, было видно, что ему не терпится. Но почему? У него что, других дел нет?

– А как же твои прочие дела?

– Только что закончил одно, а следующее пришлось отложить на три недели. Времени должно хватить. – лицо Смита было непроницаемым, а вот он меня, кажется, видел насквозь. – Я не обязан этим заниматься, Перроне. Я делаю это по дружбе.

Вот как? Не знал, что он так хорошо ко мне относится...

– У меня аспирантура, – произнесла Аликс, – и работа.

Я добавил, что тоже преподаю и рисую картины для выставки.

– Итак, ни один из вас не хочет взять отпуск на несколько дней, чтобы заняться делом, которое, как вы только что сказали, может оказаться одним из величайших художественных открытий в мире? – Смит сцепил пальцы и откинулся на спинку стула. – Ну, я и один могу съездить, если хотите.

Нет, мне этого не хотелось. Если Смит что-нибудь раско-

пает, мне хотелось при этом присутствовать, и Аликс, конечно, относилась к этому так же. Мы с ней обменялись взглядами.

– Ну, сейчас я для Эстель практически все делаю на удаденке, – сказала она, имея в виду арт-дилера, у которой подрабатывала. – И занятия в аспирантуре почти все самостоятельные... Так что, даже если мы ничего не узнаем об этой картине, я смогу повидать места, где жил и работал Ван Гог, а это не помешало бы для диссертации... – Она снова посмотрела на Смита. – Как думаешь, сколько мы пробудем в Амстердаме?

– Зависит от обстоятельств.

– От каких? – спросил я.

– Смотря что найдем. Может, найдутся ниточки, которые нужно будет отследить.

– Что думаешь? – обратилась ко мне Аликс, хотя уже было ясно видно, что она рвется в Амстердам.

Я взял небольшой тайм-аут, чтобы все взвесить: лекции и предстоящая выставка с одной стороны, экскурсия в музей Ван Гога с другой – и нужна ли мне она. Мы уже решили не обращаться в полицию, а в одиночку нам не справиться. Я посмотрел на Смита: он откинулся на спинку стула, сцепив руки за головой, и сидел с видом полнейшего равнодушия. Но я чувствовал, что он ждет и хочет, чтобы мы сказали «да», но что-то меня останавливало. Затем Аликс сжала мою руку и кивнула, и я подумал, какого черта, ну слетаем

в Амстердам. Что в этом плохого?

Ощущая прилив адреналина, Смит ухватил гантель и сделал несколько упражнений, попутно обдумывая то, что Перроне и его девушка только что ему рассказали.

Всего несколько лет назад был найден очередной «потерянный» шедевр, «Сальватор Мунди» Леонардо, и, хотя в подлинности этой картины имеются сомнения, она все равно была продана на аукционе за колоссальные 450 миллионов долларов. И о том, что эта картина прошла мимо них, сожалели теперь все коллекционеры произведений искусства, и даже Интерпол, независимо от того, подлинник это или нет.

Теперь вот потерянный Ван Гог. Сказочная фантазия? Не совсем. Каждый аналитик из отдела искусства в Интерполе знал историю о том, что похожая картина была на похоронах художника, а затем исчезла, хотя это так и не было доказано.

Смит опустил гантель, у него появилась идея. Вернувшись к своему компьютеру, он проверил реестр утрат произведений искусства, на сей раз на предмет Ван Гога. Сообщение о пропаже картин не поступало, но небольшой рисунок из частной коллекции был идентифицирован как подлинник Ван Гога, а две картины, ранее считавшиеся подделками, были недавно аутентифицированы. Имелась также история о картине Ван Гога «Сбор оливок», которая якобы была продана тайно авторитетным нью-йоркским музеем ис-

кусств Метрополитен. Сделка состоялась в семидесятых годах, но всплыла эта история лишь недавно. Наследники владельца картины утверждают, что музей продал картину тайком, потому что его сотрудники знали о незаконных обстоятельствах, связанных с ее приобретением: она была украдена у еврейского коллекционера. Как и к большинству предметов искусства, похищенных нацистами, имелась купчая на 50 тысяч рейхсмарок, которые поступили на банковский счет коллекционера (но счет затем был заблокирован, а средства конфискованы).

Смит сделал себе пометку, затем просмотрел фотографии с телефона Алексис Верде и поместил их в файл. Он заархивировал файл, зашифровал его и отправил своему начальству электронным письмом.

Ему перезвонили меньше чем через минуту.

Мы решили разделять и властвовать. Вернее, разделить-ся, а там как получится. Аликс отправилась в «Антикварный амбар» и к своей подруге Шэрон, а мы со Смитом направили стопы в аукционный дом Нижнего Ист-Сайда. Присутствие Смита рядом вызывало в памяти наши парижские злоключения, хотя здесь не было запаха свежеиспеченных багетов и приглушенного звона церковных колоколов. Здесь скрежетали мусоровозы, гремели крышки канализационных люков, двигались толпы людей: старые, молодые, черные, белые, латиноамериканцы, азиаты, рабочие, пешеходы и бегуны, некоторые изобиловали татуировками и пирсингом.

Наша первая цель, Миссия Бауэри, располагалась сразу за современным Новым музеем со стеклянным фасадом, единственным институтом современного искусства на Манхэттене, детищем мечты Марсии Такер, бывшего куратора музея Уитни, которую когда-то уволили за ее радикальное мышление: выставлять женщин и цветных на музейных выставках! Я познакомился с ней на одной вечеринке в Сохо, когда только окончил художественную школу. Я был дерзким двадцатилетним юнцом, готовым покорять мир искусства. Марсии тогда было за шестьдесят, она была легендой, безумно харизматичной, блестящей, забавной и кокетливой. Я заметил ее татуировки и, по пьяной лавочке, недолго думая, задрал

на себе рубашку, чтобы показать ей свою Мону Лизу. Неделю спустя она прислала мне книгу «Сильно татуированные мужчины и женщины», для которой написала введение. Это была первая серьезная книга о татуировках как искусстве, которая, возможно, послужила причиной повального увлечения татуировками, вскоре охватившего мир искусства, а вскоре и весь остальной.

Ее уже не было на свете, но я часто вспоминал о ней, готовясь к своей выставке, и жалел, что не могу с ней посоветоваться.

Смит обернулся и вывел меня из задумчивости, хлопнув по плечу. Миссия Бауэри находилась всего в нескольких шагах от нас, ее красные двойные двери были недавно выкрашены, а кирпичный фасад казался выскобленным дочиста. У входа стояли несколько пожилых мужчин и была припаркована машина «скорой помощи»; больше никого.

Я оглядел улицу в поисках молодых людей, которые подошли бы под описание нападавших на Аликс. В этот момент двери здания открылись, и вышел представительный мужчина с темной кожей и серо-стальными волосами. Он оказался местным пастором.

Смит спросил, не известно ли пастору о каких-нибудь наркоторговцах, которые могли бы использовать окрестности миссии в качестве места встречи.

– Наркотики? Здесь? Перед миссией? – пастор рассмеялся. Когда я рассказал ему, что на Аликс напали неподалеку и

один из нападавших упомянул его заведение, его смех стих, но, когда я описал парней, он сказал: – Это может быть кто угодно.

– То есть вообще без понятия? – спросил Смит, и пастор обиженно промолчал.

Я попробовал другой подход: расспросил его о делах Миссии и о том, долго ли он там работает, и пастор рассказал о христианских ценностях и служении голодным и бездомным, и мы вместе посмеялись над тем, что раньше в этом здании располагалась фабрика гробов. Потом Смит снова стал наседать на него, предъявив свое удостоверение частного детектива, и на этом разговор закончился.

– Это мог быть кто угодно, – повторил пастор и исчез за красными дверями, не проронив больше ни слова.

– Похоже, терпение и доброжелательность не вписываются в его христианские ценности, – сказал Смит, но я предположил, что пастор оберегал свою паству так же, как организация анонимных алкоголиков защищает своих участников. Его можно было понять.

Мы немного побродили вокруг, посмотрели, не появится ли кто-нибудь из юнцов, подходящих под описание Аликс, но окрестности миссии пустовали, как будто слухи нас опередили, и вероятно, так оно и было. Окончательно осознав, что найти двух случайных парней в Бауэри практически невозможно, я сказал это Смицу. Смит согласился и предложил выпить кофе, поэтому мы сделали небольшой крюк до

Мотт-стрит, сердца «маленькой Италии»: кафе, рестораны, песни Дина Мартина прямо на улице. Мы купили по стаканчику «эспрессо» и выпили его, шагая по Бауэри к Манхэттенскому мосту. Я сказал, что арки и колоннада моста схожи с архитектурой площади Святого Петра в Ватикане, за что Смит обозвал меня профессором.

Перейдя Канал-стрит и преодолев несколько полос встречного движения, мы направились в Чайна-таун – еще один мир рынков, ресторанов, овощных и фруктовых киосков и еще большего количества музыки, но здесь воздух сотрясала китайская попса.

Вычурный, в мавританском стиле, фасад синагоги на Элдридж-стрит здесь выглядел какой-то величественной ошибкой. На мгновение я словно вернулся во Флоренцию, где искал дневник своего прадеда. Я взглянул на Смита, пытаюсь понять, почувствовал ли он то же самое, но он уже прошел мимо синагоги и искал взглядом аукционный дом.

Мы нашли его, только подойдя поближе и прочитав надпись: «Аукционный дом Нижнего Ист-Сайда», выгравированную на маленькой медной табличке. Это простое низкое здание напоминало гараж – одноэтажный, с двойными стальными дверями. Я нажал кнопку домофона, назвал свое имя, посмотрел в камеру наблюдения и услышал, как двери со щелчком открылись.

Приемная резко контрастировала с фасадом: белые стены и полированный бетонный пол, стулья-тюльпаны Ээро Са-

аринена, письменный стол из толстой плиты белого мрамора. Единственным цветным пятном в комнате были алые ярко накрашенные губы сидевшей за столом молодой женщины в сером костюме. Она спросила у нас документы. Я дал ей свои водительские права, а Смит, к моему удивлению, показал свое старое удостоверение сотрудника Интерпола.

Служащая напомнила, что мы пришли на полчаса раньше и что мисс Ван Страатен сейчас занята. Тогда я решил убить время в синагоге по соседству. Смит уже устроился в кресле-тюльпане, тычась в своем телефоне, и отказался ко мне присоединиться.

На улице у меня возникло знакомое ощущение, что за мной следят, и я на мгновение остановился и оглядел улицу. Но вокруг были только быстро идущие прохожие – большинство в наушниках или уткнувшись в мобильники – так что мне оставалось лишь присоединиться к ним.

Старый дом Шэрон в викторианском стиле был прекрасен, но, усаживаясь за деревянный стол и глядя на свою подругу, Аликс подумала, что никогда не смогла бы жить одна в такой глуши.

Она уже успела побывать в «Антикварном амбаре» и поговорить со старым хиппи, который помнил ее и картину. Аликс разговорила его, и он рассказал ей о мужчине, который хотел что-нибудь точно такое же, и продавец поведал ему не только о продаже картины, но и о Шэрон, и о том, где она живет, и устроил им встречу!

– Ну, да, мы говорили о декорировании, – объяснила Шэрон. – Он недавно купил дом и занимается его отделкой, приятный мужик. Хотя он с тех пор не давал о себе знать, но еще напишет, надеюсь.

Так вот в чем дело, Шэрон понравился этот тип. Аликс хотелось крикнуть: «Шэрон, ты живешь у черта на куличках и впустила в свой дом незнакомого мужчину?» Вместо этого она рассказала своей подруге правду, по крайней мере, частично – что синяк под глазом был не «несчастливым случаем», а что на нее напали, а картину украли.

– О боже, какой ужас! Слава богу, что ты жива осталась!
Аликс перевела разговор на того мужчину, который собирался обставлять свой дом, и он, по описанию Шэрон, да и

Кэла, оказался похож на того типа, с которым Аликс чуть не столкнулась у подъезда.

– Кому понадобилась картина из антикварного магазина? – спросила Шэрон, пристально глядя на Аликс. – Ты ведь о чем-то не договариваешь?

Аликс не терпелось рассказать подруге всю правду, но она сдержалась. Чем меньше людей будет знать о картине, тем лучше.

– Должно быть, что-то в ней такое было, – проронила она, а потом вновь заговорила о мужчине, который так непринужденно выудил из Кэла сведения о них обоих.

– Он подарил мне вот это, – призналась Шэрон, указывая на зеленую вазу, стоявшую на шкафу в столовой.

– Ты к ней прикасалась?

– Да почти нет. А что?

Аликс попросила одолжить ей вазу на время, и Шэрон, снова заподозрив неладное, спросила, что происходит.

– Тебе лучше не знать, – произнесла Аликс, но пообещала потом все рассказать. Она завернула вазу и сунула ее под мышку.

На улице, садясь в машину, Аликс сказала, как бы невзначай:

– Если он с тобой свяжется, дай мне знать.

– Мне уже начинать бояться? – спросила Шэрон.

– А, нет, – ответила Аликс, заводя машину. – Ничего страшного.

На шоссе Таконик машин было не слишком много, и Аликс возвращалась в хорошем настроении, поглядывая на только что распустившиеся деревья, окаймлявшие шоссе, и слушая музыку – подаренный Люком микс. Аликс даже начала напевать, когда зазвонил ее сотовый телефон. Настроение сразу испортилось, едва она увидела номер.

– Мне казалось, мы договорились, когда мне можно звонить.

– Ты так на это смотришь? Договор – это я люблю.

Аликс вздохнула. Не ошиблась ли она, когда пошла на это? Ее уже давно мучил этот вопрос.

– Любишь договоры – так соблюдай их. Как ты себя чувствуешь, лучше?

– Не так чтобы очень... Я просто хотел сказать: можешь на меня рассчитывать.

– Я позвоню тебе завтра... как договорились. – Аликс нажала «отбой» и, смахнув выступившие слезы, постаралась сосредоточить внимание на дороге. Плакать глупо. Нельзя давать волю эмоциям.

«Можешь на меня рассчитывать».

Она подумала, что сказал бы Люк, если бы узнал, представила себе осуждающее выражение его лица. Ну почему она не рассказала ему, ведь хотела же. Да хоть бы и сейчас...

Аликс нажала автоматический набор номера, послушала мелодию звонка и прервала вызов. Нет, сейчас она не готова. Через пару секунд Люк перезвонил.

– Ты мне звонила только что?

– Нет... Кажется, села на телефон случайно...

– Так это твоя попа мне звонила? Как это мило с ее стороны! Да и сама она...

– Ой, перестань, пожалуйста.

– У тебя все нормально? – спросил Люк. – Голос какой-то напряженный.

Люк слишком хорошо ее знает. Надо было все ему рассказать. Она обязательно расскажет. Потом.

– У меня все хорошо. Я за рулем, вот и все.

Он спросил, как продвигается дело, и Аликс поведала ему про вазу.

– Расскажу подробней, когда встретимся.

– Я люблю тебя, – сказал Люк.

– Я тоже тебя люблю, – ответила она, задрожав от чувства вины, что не сказала ему. Но ведь это ради его блага, чтобы его уберечь...

Эта мысль тут же вызвала в памяти события прошлого года. Она и тогда думала, что оберегает Люка, и из-за этого их обоих чуть не убили.

Внутренняя обстановка синагоги меня разочаровала. Я ожидал какого-то великолепия, но прихожая была совершенно унылой: низкий жестяной потолок, флуоресцентное освещение, неказистые отопительные трубы. Женщина средних лет в узорчатой блузке спросила, не желаю ли я присоединиться к экскурсии, и, хотя я не желал, было похоже, что она просто так не отвяжется. Я согласился.

Для начала нам – мне и трем женщинам – показали боковую комнату со старыми плакатами на иврите и идиш, напомнившими мне плакаты русского конструктивизма или дегенеративного искусства. Возле них я готов был задержаться, но экскурсовод потащила нас дальше, к ковчегу, единственной красивой части зала. Она указала на резную плевательницу и подробно рассказала о ранней еврейской миграции из Германии, России и Польши, рассказав о преследованиях и погромах. Потом она повела нас вверх по узкой лестнице с низким потолком, призывая обратить внимание на оригинальную отделку из дерева и обои, хотя мое внимание было сосредоточено на том, чтобы не удариться головой.

Верхний этаж был совершенно из другого мира. Большой и открытый, с высоким сводчатым потолком, залитый естественным светом, в который вливался свет от красивых ламп

в форме тюльпанов и от огромной люстры. Я оглядел ряды скамей с искусной резьбой, и словно вернулся в церковь Святой Марии в Бейонне, где я сидел, зажатый между своими родителями, ощущая запах маминых духов и пивного перегара отца. Отогнав сентиментальные детские воспоминания, я стал рассматривать одну из многочисленных мраморных колонн, которая при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не мраморной.

– Это все искусственное? – спросил я.

Экскурсовод кивнула. Заправляя волосы за ухо и улыбаясь, она объяснила, что иммигранты хотели построить самую роскошную синагогу, какую только могли, но мрамор был слишком дорогим, и поэтому они наняли мастеров, чтобы подделать его. Я как раз делал мысленную заметку попробовать что-нибудь искусственное в своих картинах, когда она открыла ковчег.

– Бархат настоящий, – сказала она. – Здесь помещаются двадцать четыре Торы.

Я осмотрел искусственный мрамор и нарисованный занавес в стиле *trompe l'oeil*, что по-французски означает обман зрения, способ убедить зрителя в том, что они видят нечто реальное, хотя это не так. Эта мысль показалась мне странно ироничной и как будто о чем-то напомнила.

– Работа Кики Смит. – Экскурсовод указала на окно-розетку, и я поднял взгляд; оно было современным и не похожем ни на что другое в синагоге. Художница была совре-

менная, я с ней был знаком. Гид объяснила, что фотографий оригинального окна у них не нашлось, и поэтому наняли художника, чтобы он сделал по-своему. Я посмотрел на огромный синий круг и звезды и вспомнил недавно прочитанные слова Ван Гога:

«Когда у меня возникает острая потребность в – как бы это назвать – религии, я выхожу на улицу и рисую звезды».

Я сфотографировал круглое окно, продолжая думать о словах Винсента, когда снова почувствовал, что за мной не просто наблюдают, а чуть ли не дышат в затылок. Вздвигнув, я оглянулся, осматривая синагогу, но в ней было тихо и практически пусто.

Итак, вот он поднимается по лестнице синагоги, идет вразвалочку, узкие черные джинсы и ботинки «челси», поношенная кожаная куртка, как у самого хиппового парня на свете, и держится так, словно весь мир обязан ему жизнью. Здесь жарко, радиаторы шипят, ты потеешь в куртке, но снять ее не можешь, как и кепку, натянутую до самых темных очков. Ты держишься чуть поодаль, наблюдаешь, слушаешь, гид рассказывает об оригинальных полах и отделке из дерева, «двадцать лет на реставрацию», и улыбается ему. Она что, флиртует? Она думает, что он удостоит ее вниманием? Ты подходишь ближе, становишься прямо у него за спиной; до него можно просто руками дотронуться, даже пальцы судорогой свело в карманах.

«Это все искусственное?» – спрашивает он экскурсовода, и ты следишь за его взглядом и видишь, что дерево выкрашено под мрамор. Тут он оглядывается, и ты отворачиваешься, но недостаточно быстро, и на мгновение вы оказываетесь лицом к лицу. Ваши глаза практически встречаются; они у него большие, темные и пронзительные. Но ты не будешь описывать его глаза, тебе нужно рассказать только, что он видел и что делал.

Ты отступаешь назад, слышишь, как гид говорит: «Обратите внимание на гравированные дверные ручки», и на миг

тобой овладевает желание оторвать одну из них и забрать с собой. Опустив голову, но продолжая наблюдать за ним, ты проводишь рукой по гладкому дереву скамей, задаваясь вопросом: «С какой целью он пришел сюда? Есть ли здесь что-то такое, о чем тебе следует узнать и доложить?»

Он смотрит на витражное окно со звездами на синем фоне и фотографирует на мобильный телефон, и ты притворяешься, что делаешь то же самое, но на самом деле фотографируешь его.

Когда он спускается по узкой, наклонной лестнице, ты скользишь за ним и тебе приходит в голову, как легко было бы столкнуть его вниз. Но ты здесь только для того, чтобы наблюдать. Затем ты выходишь за ним на улицу и останавливаешься, когда он, как и ожидалось, заходит в здание по соседству. На сей раз ты не идешь за ним: можно будет узнать подробности позже.

Я вернулся в аукционный дом, и мы со Смитом проследовали за молодой женщиной с кроваво-красными губами по широкому белому коридору. В открытых кабинках по обе стороны сидели, склонившись над компьютерами, сотрудники, а в конце виднелось большое, как театральное, помещение с пустой сценой.

– Аукционы полностью виртуальные, – сказала наша провожатая и собиралась добавить что-то еще, но посмотрела на что-то за нашими спинами и промолчала.

Там стояла женщина в черном платье без рукавов.

– Аника Ван Страатен, – представилась она. – Рада вас приветствовать.

Она протянула руку для крепкого рукопожатия. Большой серебряный браслет сверкал у нее на бицепсе, и десяток маленьких висел на запястье. Она бросила взгляд на нашу провожатую.

– На этом все, – сказала она, и девушка шарахнулась в сторону так, что чуть не упала.

В противоположность блондинкам из виденных мной ранее аукционных домов, Ван Страатен была смуглой. Темные глаза, темные брови, зачесанные назад темные волосы – в целом довольно эффектная и даже красивая. На вид ей было немного за сорок, хотя взгляд повидавших мир (и даже

уоставших от него) глаз заметно ее старил.

– Да, мы почти все делаем в виртуальном режиме, – подтвердила она. Говорила она чуть отрывисто, но акцент я не смог определить. – Вот это, в принципе, зал для торгов, но мы больше не проводим очных аукционов, так что теперь он у нас просто для вида.

– Арт-бизнес, шоу-бизнес – везде одно и то же, – заметил Смит.

– Никак не могу согласиться. – Ван Страатен пронзила его взглядом. – Искусство – очень серьезный бизнес, и я не могу представить, что в отделе хищений произведений искусства Интерпола приравнивают его к каким-то шоу.

Смит проигнорировал ее комментарий и спросил, как долго она здесь работает.

– Меньше года, – ответила она и повела нас к себе в кабинет. – Это временно. Меня наняли, чтобы помочь аукционному дому перейти на следующий уровень.

– Ван Страатен, – произнес Смит. – Это немецкая фамилия?

– Нет. Голландская. А что?

– Так просто, – сказал он так, словно у него была дюжина причин.

Кабинет Ван Страатен был весь белым – стены, стол из люцита и все остальное. На столе имелись только ноутбук, сотовый телефон и большая стеклянная пепельница. За ним – крутящееся кресло, в которое она уселась, указав нам на

два одинаковых стула, не крутящихся. Смит рассказал ей о нападении, из-за которого Аликс пропустила назначенную встречу, и о причине нашего появления. Аукционистка слушала, сложив перед собой на столе сильные, покрытые венами руки.

– Понятно. Я была удивлена, когда мисс Верде не появилась, и раздражена, что она потратила мое время впустую. Теперь я понимаю. Это очень печально, – произнесла она, хотя лицо ее не выражало ни тени огорчения и вообще оставалось непроницаемым.

Смит спросил, записывала ли она время встречи в календарь. Ван Страатен ответила, что не пользуется этой опцией.

– Я записываю время встречи на бумажках. – Она указала на блок стикеров на столе. – Потом избавляюсь от них. Так проще.

И не оставляет следов, подумал я. Но если ей не нравится бумажный календарь, почему она не пользуется виртуальным?

– Кто-нибудь еще знал, что мисс Верде собирается к вам прийти? – спросил Смит.

– Никто, кроме Дженнифер, которая устроила эту встречу. Моя ассистентка была в отпуске, поэтому я сама разговаривала с мисс Верде. Но беседа была очень короткой. Она сказала, что хочет показать мне какую-то картину. Вы знаете, что это за картина?

– Она вам не сказала этого?

– Только то, что это было что-то из моей области, поэтому я предположила, что это кто-нибудь из постимпрессионистов. Ван Гог или, – она откашлялась, – Гоген или Лотрек.

Руки ее продолжали неподвижно лежать на столе, но сквозь стол из люцита было видно, как она покачивает ногой.

– Итак, кроме вас, никто не знал о визите мисс Верде?

Смит наклонился, взял со стола блок, затем сунул его обратно.

– Я уже ответила на этот вопрос. Почему вы его повторяете?

– Потому что на нее напали, и я занимаюсь этим делом.

– Этим делом занимается Интерпол?

– Нет... Это по дружбе.

– И вы думаете, что нападение было как-то связано с ее визитом сюда?

– Мы просто проверяем все контакты мисс Верде в день ограбления.

– Понимаю. – Ван Страатен посмотрела на меня. – А вы как связаны с этим делом?

– Я тоже друг мисс Верде.

Несколько секунд она рассматривала меня, затем надела очки для чтения, отвернулась и начала печатать. – Как я вижу, вы художник, у вас готовится выставка в галерее Маттиа Бюлера.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что это очень хорошая галерея. – Она

несколько раз перевела взгляд с меня на экран компьютера и обратно. – Знакомы ли мне ваши работы?

– Если вам приходится спрашивать, то нет, – усмехнулся я.

– Насколько я понимаю, вы смешиваете абстракционизм, аллегоричность и добавляете немного немецкого экспрессионизма, не так ли?

Я ответил, что работаю сейчас в стиле Бекмана и Кишнера.

– Итак, вы поклонник «Энтарте кунст»? – Она посмотрела на меня поверх очков взглядом экзаменатора.

– Да, «дегенеративного искусства».

– Вижу, вы в теме.

– Я преподаю историю искусств, так что знаком с этим термином. Выставка прошла в... – Я замолчал, пытаюсь вспомнить дату.

– В 1937 году, – подсказала она. – Около 650 предметов, картин, скульптур, гравюр, все они были конфискованы нацистами из немецких музеев. Более двух тысяч украденных произведений искусства были выставлены на всеобщее обозрение с насмешливыми комментариями на стенах вокруг... «оскорбление немецкой женщины, еврейская тоска по дикости, расовым идеалом дегенеративного искусства стал негр!» – Она остановилась и перевела дыхание. – Вам повезло, что вы занимаетесь своим искусством в наше время, мистер Перроне. Вас могли уволить с преподавательской

должности, запретить выставлять и продавать ваши работы, и даже вообще запретить творить, как художникам-«дегенератам».

Я ответил, что я вообще везунчик, и она продолжила говорить о выставке.

– Как вы, наверное, знаете, это была сенсация. Немцы выстроились в очередь, более двух миллионов человек посетили выставку за первые шесть недель. В отличие от другой параллельной выставки, *Große Deutsche Kunstausstellung*.

– «Великое немецкое искусство», – перевел я.

Она одобрительно кивнула. Смит начал было что-то говорить, но она перебила его.

– Да, это как раз было шоу, санкционированное государством, скучная выставка портретов, пейзажей и персонажей немецких мифов, которую мало кто удосужился посмотреть. Забавно, не правда ли – нацисты ожидали, что люди осудят «дегенеративное» творчество, и некоторые так и делали, говорят, даже плевали на произведения искусства – но они толпой шли на него посмотреть. В конечном итоге, нацисты помогли прославить искусство, которое ненавидели. – Ван Страатен достала из темно-красной сумочки с золотой подкладкой пачку сигарет «Данхилл». – Не возражаете?

Она открыла пачку и предложила нам. Смит взял сигарету, и она достала старинного вида зажигалку, латунную или даже золотую. Смит наклонился, чтобы прикурить.

– «Дер Рёмер»? – прочитал он вслух выгравированную

надпись на зажигалке.

– Да... подарок. – Она закрыла зажигалку и бросила ее обратно в сумочку.

– Что стало дальше с работами выставки дегенеративного искусства? – спросил я.

– Большая часть была уничтожена. В 1939 году нацисты сожгли почти пять тысяч произведений искусства во дворе Берлинской пожарной части. В 1942 году еще больше произведений искусства было сожжено на территории музея Жеде-Пом в Париже.

– Вы действительно настоящий эксперт, – сказал Смит. – Я думал, что вы специализируетесь на постимпрессионизме.

– Моя специализация – Ван Гог, который оказал большое влияние на дегенеративное искусство, вернее, на немецкий экспрессионизм.

Смит еще раз спросил, кто в аукционном доме мог знать о визите Аликс.

– Только я, – ответила она.

– Только вы, – повторил он, потом похвалил ее сигареты, поблагодарил, встал, и мы откланялись.

На улице нам пришлось кричать, чтобы расслышать друг друга сквозь грохот, который производила разбивавшая тротуар ремонтная бригада.

Я сказал, что Ван Страатен наверняка первым делом предположила, что Аликс принесет Ван Гога. Смит согласился,

но не считал это предосудительным:

– Их всего пятеро, так что один из пяти – не самая плохая вероятность.

– Но она снова заговорила о нем, когда упомянула дегенеративное искусство.

– Ни фиги себе «упомянула» ... Целая лекция!

– Но интересная ведь, – возразил я. – Интересно и то, что она знала, в каком отделе Интерпола ты работаешь, и чем я занимаюсь. Она наводила справки.

– Все так делают... Да, кстати, и нам бы не мешало. – Смит потыкался в телефоне. – «Дер Рёмер». Зажигалка производилась во Франкфурте, в Германии, в 1940-х годах. Пишут, что очень редкая. – Он оторвал взгляд от сотового. – И еще одну вещь могу сказать... Она не голландка.

– С чего ты взял?

– За двадцать лет работы в такой международной организации, как Интерпол, и ты бы научился распознавать акценты, Перроне. Я разберусь с этим, если еще раз ее встречу. А пока что попробую навести о ней справки.

Он еще раз заглянул в телефон и сказал, что ему пора. Когда я спросил, куда он спешит, Смит ответил, что я у него не единственный клиент.

– Ты же только с нами собирался работать? – удивился я, но он уже зашагал прочь под грохот отбойных молотков.

Отправив копии удостоверений личности своих визитеров по нужному адресу, Аника Ван Страатен откинулась на спинку стула, стянула ботинки и помассировала ступни. Сколько лет мне еще заниматься этим, подумала она. Перед ее мысленным взором пронеслась вереница образов: соляные шахты, хранилища, контрольно-пропускные пункты на границах, Национальная безопасность, фотография дедушки, стоящего на коленях... Она выпрямилась. Столько, сколько потребуется.

Мысли вернулись к недавним посетителям. Агент Интерпола Смит и художник Люк Перроне, который собирается выставляться в галерее Бюлера. Какое отношение они имеют к этому делу? Пока не ясно. А тут еще эта девушка, Алексис Верде, и ограбление...

Она закурила и провела большим пальцем по выгравированному на зажигалке названию. Не то чтобы подарок, это она сама взяла себе на память, вроде талисмана. Хотя она не была ни сентиментальной, ни суеверной.

Поигрывая браслетами на руке, Аника вспоминала разговор и сердилась на себя за то, что слишком разговорилась, чуть не проболталась, что подозревала – да что там – знала наверняка, о какой картине говорит Алексис Верде. Хуже того, позволила втянуть себя в разговор о дегенеративном

искусстве, выпендривалась, как это глупо и непохоже на нее. Благоразумие и сдержанность превыше всего.

Телефон на столе завибрировал, пришло сообщение: *картинка получена подробности позже*.

Слишком долго приходится ждать, подумала она. Она стерла сообщение, подумала и набрала номер Диспетчера. Желательно, чтобы он был готов, чисто на всякий случай.

Дженнифер перелила красное каберне в стеклянный кувшин и поставила его на стол. Обстановка в доме в Верхнем Ист-Сайде была идеальной, хотя она часто представляла себе другую квартиру, в Амстердаме, и картины, которые все время появлялись и исчезали. Все там было временным, и Дженнифер боялась, что и она тоже, хоть и старалась удержаться, делая все, о чем *он* просил.

Она старательно разложила столовое серебро на льняной скатерти. *Он* научил ее любить красоту.

Она подумала об Аликс и найденной картине «по нашей теме». Заново прокручивая в голове весь разговор, Дженнифер вспоминала, как расспрашивала ее, прощупывала, давила, поддразнивала. «Кто-нибудь из старых мастеров? А, нет, ты же сказала, по нашей теме... Акварель Сезанна, вроде тех, что мы видели в музее современного искусства? Ой, Аликс, ну скажи!»

Но Аликс снова отказалась, хотя Дженнифер чувствовала, как ей хочется поделиться информацией.

«Лотрек? Гоген? Что-нибудь с Таити или Мартиники? Теплее? Мне же ты можешь сказать, Аликс? Ну, кому я могу проболтаться? Строго между нами, ну?»

И хотя в конечном счете Аликс так и не раскололась, она сказала достаточно: не Сезанн, не Лотрек и не Гоген. И так,

кто остался? Сера или Ван Гог. Из общения с Аликс Дженнифер уже знала, что та не была поклонницей Сера.

Проделав эти умозаключения, Дженнифер поняла, что делать. Сначала она вывела Аликс на Ван Страатен, затем рассказала *ему*. Сделав себя незаменимой, бесценной.

И вот только что Аликс звонила еще раз и расспрашивала о своем предыдущем звонке. «Я тебе говорила, что именно собираюсь показать в аукционном доме?» Дженнифер притворилась растерянной и рассеянной, как будто совсем забыла о том пустяковом первом звонке. Но после второго разговора с Аликс пересказала *ему* каждое слово.

Продолжай в том же духе, велел он, и она пообещала, что так и сделает.

Накрыв стол и разложив столовое серебро, она окинула взглядом стену с черно-белыми гравюрами в рамках: Макс Бекман, Эрнст Барлах, Отто Дикс.

Все «дегенераты». Все очень дорогие. Потом надо будет прихватить их с собой.

Услышав звук ключа в замке, она взяла бокал вина и поспешила к двери.

– Дорогуша, – произнесла она.

– Чувствуется, ты глотнула бургундского, – заметила Аника Ван Страатен.

– Глотни и ты, у нас будет одинаковый вкус. – Дженнифер подала ей бокал.

Аника отпила немного вина.

– Ну что, – сказала Дженнифер. – Как прошел твой день?
Расскажи мне все.

Аликс расхаживала взад-вперед: поездка в пригород взволновала ее, а мои вопросы разозлили.

– Я не говорила Ван Страатен, что это за картина! Я просто сказала: картина.

– Хорошо. Но судя по всему, она знает.

– Значит, ей кто-то другой сказал!

Я молча подождал, пока Аликс назовет имя, и она назвала.

– Дженнифер. Это единственный человек, который что-то знал.

– Ты ей сказала, кто художник?

– Нет, конечно нет. Я просто сказала, что это что-то очень важное. Я уверена, что не называла имени художника.

– Так что именно ты ей сказала? Вспомни точно!

– Перестань меня допрашивать!

Я отступил назад, подняв руки в знак мира.

– «Нет искусства более высокого, чем любить других».

Это слова Ван Гога.

– Ты становишься занудой, – вздохнула Аликс. – И это раздражает.

Я извинился. Все окей, ничего страшного не случилось. Но так ли это было? Может, уже потянулась цепочка событий? И десятки людей знают об этой картине, и все они готовы пойти на ограбление, чтобы заполучить ее? И не только

на ограбление?

– Возможно, я действительно слишком много сказала Дженнифер, – задумчиво произнесла Аликс. – Сейчас позвоню ей и все выясню.

Я попросил ее не делать этого, но она не послушалась.

– Дженнифер ничего не знает. Она успела забыть про этот звонок, – сообщила Аликс, поговорив с подругой, и принялась рассказывать, как она познакомилась с Дженнифер, как подружались и как Дженнифер интересуется практически всем, о чем заговаривает Аликс.

– Хорошо, хорошо, расскажи лучше, как съездила к другой подруге.

Аликс подробно описала, как выглядит, со слов Шэрон, тот мужчина, что нашел ее через антикварный магазин, и как он похож на того типа, которого она видела у нашего дома. Плюс ваза, которую она взяла у Шэрон и уже успела передать Смиту, чтобы он отправил ее в лабораторию для снятия отпечатков пальцев.

Я поцеловал ее в щеку и сказал, что она молодец.

– Не надо вот этого покровительственного тона!

– Да разве я смею? – ответил я и спросил, сказал ли продавец антикварного магазина, где он купил картину.

– Он сказал, что скупил старые вещи сразу из нескольких домов, но не был знаком ни с кем из первоначальных владельцев. Все прошло через вторые-третьи руки – родственники, дети и внуки освобождали дома от старья. В конце кон-

цов он насторожился, и мне пришлось сказать, что я хотела бы еще одну такую же картину. Он сказал, что постарается присмотреть. Ну, и все.

Было очевидно, что продавец не знал секрет картины. Но мы до сих пор не знали, была ли она подлинной. Аликс была уверена, что это так, и приводила в доказательство свой потихоньку заживающий синяк под глазом.

– Вот и твой друг Смит взялся за это дело. Значит, он тоже так считает.

– Да какой там друг... – проворчал я, чтобы хоть что-нибудь возразить. Аликс пожала плечами.

– Гораздо интереснее, как автопортрет Ван Гога, исчезнувший более ста лет назад, попал в окрестности Нью-Йорка?

Париж

Август 1944 года

Когда картина высохла, художник обернул ее чистыми тряпками, положил в специально сконструированный винный ящик с двойным дном, поставил туда несколько бутылок дешевого бордо и две книги: «Смерть в кредит» Селина и «Удел человеческий» Мальро. Обе ему нравились, хотя первый автор был антисемитом, второй – ярым борцом Сопротивления. Затем он нашел еще четыре полупустые винные бутылки, доверху наполнил их водой, закупорил пробками и положил отдельно в сумку.

На улице было жарко и душно. Сады Тюильри заросли, уличные фонари по дороге к Сене не горели. Отдаленные выстрелы и взрывы гранат сливались с громом; вспышки молний, от которых у него по коже пробегали мурашки, на доли секунд освещали темноту, деревья, статуи, группы немецких солдат, которые пробегали вдали. Где-то поблизости собирались члены Сопротивления, готовясь помочь освобождению города. Быстро шагая, он миновал темное здание Оранжерей. Монументальные фрески Моне с водяными лилиями еще оставались там: картины были слишком большими, чтобы нацисты могли их украсть, но им не составило бы труда уничтожить их. Было известно, что Гитлер приказал раз-

нести Париж вдребезги перед сдачей, заложив динамит под Нотр-Дам, Дом инвалидов и каждый из самых почитаемых памятников города. Художник прикоснулся к кресту у себя на шее и помолился, чтобы войска союзников оказались здесь вовремя и предотвратили это варварство. Но сейчас главной его заботой было спасти ту единственную картину, которую он нес под мышкой.

Осторожно ступая по металлическому мосту Искусств, поврежденному воздушными бомбардировками, он перешел на другой берег. Там стояла группа немецких солдат с пистолетами, автоматами и снайперскими винтовками. Он поприветствовал их кивком и отдал им сумку с вином. Явно измученные и равнодушные ко всему, они не поблагодарили его, не обыскали, не спросили документы. Он быстро прошел мимо них в проулок между домами и старыми парижскими отелями.

На широкой улице Жакоб впереди показала баррикада, там было еще больше немецких солдат; командир с рацией нервно расхаживал взад-вперед. Художник пошел в обход по боковым улочкам, пока не выбрался к церкви Сен-Сюльпис, где срезал путь через небольшой парк к улице Фюрстемберг. Перед зданием стояли два немецких солдата. Пригнувшись, он пробрался к задней стене и там, придерживая свой ящичек, перебрался через низкую каменную стену.

Некогда тщательно ухоженный сад одичал, дорожки, вымощенные галькой, были усеяны бутылками и окурками. Он

хорошо знал это место, бывший дом и мастерскую великого французского художника Эжена Делакруа, ныне музей. На стене его студии много лет висела репродукция «Свободы, ведущей народ». Художник мысленно представил картину с изображением женщины, несущей французский флаг, и поднялся по лестнице к задней двери с сердцем, бьющимся, как пойманная птица.

Дверь была не заперта. Внутри с потолка во всю стену висел флаг с черной свастикой – такой же, какой немцы вывесили на вершине Эйфелевой башни и над Отель де Виль – эту картину он не забудет никогда. Рядом с флагом висела карта Парижа, утыканная разноцветными булавками, и длинный стол, заваленный бумагами и телеграммами: очевидно, это место использовалось как штаб-квартира Третьего рейха, и похоже, его покидали в спешке. Он обратил внимание на голые крючки на стенах: больше половины картин исчезло, и это неудивительно; он видел несколько картин Делакруа, хранящихся в Же-де-Пом.

Послышался звук шагов, и он настороженно оглянулся.

Женщина была невысокой и крепкой на вид, блузка застегнута до шеи, плечи подбиты ватой, глаза выглядывали из-под берета, лицо измазано пеплом. «Николь Мине», – прошептала она пароль. Это было имя известного бойца Сопротивления, и художник ответил условленным отзывом – также именем бойца Сопротивления: «Симона Сегуэн».

«Вив ля Резистанс!» – сказала она и забрала у него ящик.

Затем она сделала ему знак следовать за ней, но на верхней площадке они услышали шаги внизу, и она велела ему подождать и спустилась по лестнице одна.

По телу художника пробежала дрожь, хотя ночь была жаркой. Больше они никого не ждали; и услышав звуки борьбы и сдавленный вопль, он бросился вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Внизу боец Сопротивления, тяжело дыша, сжимала в руке нож; рукава ее блузки были запачканы кровью, а под ней лежал немецкий солдат. Его форма была залита кровью, которая казалась черной в лунном свете.

Не проронив ни слова, она передала художнику нож и исчезла. Он знал правила. Если один боец Сопротивления совершал убийство, другой избавлялся от оружия. Переступив через тело, он спрятал нож в куче мусора, затем стянул с мертвого солдата ботинки. Его собственные ботинки почти совсем износились, и он забросил их в кусты и надел новые, почти по ноге и все еще теплые.

Перебравшись через каменную стену, он пошел переулками обратно. Художник понятия не имел, куда отправилась картина, но он выполнил свою работу. Ценная картина сменила обличье и теперь находится на пути в безопасное место.

Нью-Йорк, Бауэри

Наши дни

Было слишком раннее утро, чтобы вид Смита, сидящего у меня на диване, мог меня обрадовать. Он сидел, непринужденно расставив ноги, и рассказывал нам с Аликс, как он раздобыл информацию об Анике Ван Страатен.

– Пока я получил самые простые сведения: транспортные средства, страховки, места работы. Подходящими инструментами можно будет копнуть глубже.

– А у тебя есть эти инструменты? – спросил я. Как-то уж слишком уютно он устроился в моем лофте, на моем диване, потягивая кофе, приготовленный Аликс. Он был здесь настолько неуместен, что у меня все зудело от дискомфорта. Я невольно задался вопросом, как он снова оказался в моей жизни, хотя и знал ответ: я сам его пригласил.

Он сунул руку в карман брюк-карго, достал маленький блокнотик, перевернул страницу и прочитал: «Ван Страатен почти десять лет работала в ведущем аукционном доме Нидерландов под названием ААГ».

– Я о нем слышала, – сказала Аликс.

– Ван Страатен, похоже, умеет работать, – произнес Смит.

– «Похоже»? – переспросил я.

– Это слова директора ААГ, парня по имени Де Фриз. Это

он так сказал, не я. Тебя это устраивает, Перроне? – Смит взглянул на меня поверх очков, и это был один из тех редких случаев, когда мне довелось увидеть его глаза, темные и пронзительные; казалось, они видели меня насквозь. – Де Фриз сказал, что она была неутомимым работником – когда была на месте. Очевидно, она брала слишком много отгулов, больничных, отпускных и прочих выходных без объяснения причин. Он сказал, что, если бы она не была таким отличным сотрудником, он бы ее уволил. А потом она, ни с того ни с сего, уволилась сама.

– А до этого? – спросила Аликс.

– Нашлось что-то похожее на семейный бизнес Ван Стратенов в Берлине – в сфере искусства, кстати – но, похоже, он закрылся во время или после войны. Где она еще работала, я не смог найти. До ААГ ничего, а это большой промежуток времени.

– Сколько ей лет? – спросила Аликс.

– Хороший вопрос, – ответил Смит. – Ни даты, ни места рождения я не нашел.

– Странно.

– Стерто. Просто стерто. Я использовал стандартные поисковики: *Intelius*, *CheckPeople*, *TruthFinder*. Ничего, но и судимостей тоже нет. Затем несколько программ Интерпола, снова ничего.

– Женщина без прошлого, – усмехнулась Аликс.

– У каждого есть прошлое, – без выражения ответил

Смит.

– Но почему она пытается его скрыть? – спросил я.

– В наши дни можно убежать, но уже невозможно долго прятаться. Все где-то находится, – сказал Смит. – Я начинаю составлять досье.

Да, досье – это сильная сторона Смита. Я знал, что у него есть досье на меня, моего прадеда, моих родителей, даже на нескольких моих бывших подружек. Есть ли у него что-нибудь на Аликс, спросил я себя. Да что там спрашивать – конечно есть.

Аликс вызвалась поговорить с Ван Страатен, чтобы «прощупать» ее.

– Дружеская беседа двух профессионалов в области искусства. Лично принесу извинения за то, что не пришла.

– Пока не надо, – покачал головой Смит. – Дайте мне еще немного покопаться. За это вы мне и платите.

Платим? Никаких денег мы ему еще не давали, да он и не заговаривал про аванс.

– Есть какие-нибудь новости по вазе, по отпечаткам пальцев? – спросила Аликс.

– Пока нет, лаборатория должна скоро ответить.

Я поинтересовался, что это за лаборатория, и Смит поинтересовался, какая мне разница. В общем-то, почти никакой. Но мне было любопытно: он все еще пользуется старыми знакомствами в Интерполе?

Смит проигнорировал мой вопрос.

– Если мы получим разборчивые отпечатки, я для начала пропущу их через IAFIS.

– Система поиска отпечатков ФБР?

– Ты сменил профессию за то время, что мы не виделись, Перроне, или просто выпендриваешься перед своей девушкой?

Очевидно, я немного выпендривался.

– Мне просто интересно, есть ли у тебя связи в ФБР, – сказал я.

– Есть, но они мне не нужны. Интегрированная автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев Бюро доступна, если у вас есть разрешение, лицензия или подходящая цифровая программа.

– Которая у тебя есть?

– У меня остались кое-какие базы данных Интерпола, а также связи. Вас устраивает такой ответ, агент Перроне?

– Устраивает, если ФБР и Интерпол не против.

Смит снова приподнял очки и бросил на меня устрашающий взгляд. Я ответил ему тем же. Мы вернулись к нашему старому соперничеству. Все, что он говорил, меня раздражало, и судя по всему, он чувствовал то же самое по отношению ко мне.

Он сменил блокнот на сотовый, что-то напечатал, затем убрал его.

– Что-нибудь важное? – спросил я как бы невзначай.

– Очень, – ответил он в тон. – Молока надо будет купить.

– Кофе нечем разбавить? Ты же вроде пьешь только черный.

Тут я уже схлопотал грозный взгляд не только от Смита, но и от Аликс. Тогда я решил сменить тему и заговорил об Амстердаме: когда мы туда доберемся и какие у Смита планы.

– У меня назначены встречи с людьми, имена которых я не могу разглашать, но вы их все равно не знаете. Скажем так: эти люди в курсе, какие предметы в настоящее время продаются на всех рынках, включая теневой. Если ваша картина была где-то выставлена или была продана в течение последних нескольких недель, эти люди узнают. Пока что она нигде не засветилась, это я могу сказать точно. Узнаю больше, когда встречу с ними в Амстердаме.

Я был удивлен. Мне казалось, он мало что успел сделать. Я спросил, чем нам с Аликс следует заняться. Тогда Смит спросил у Аликс, будет ли она встречаться с кураторами в музее Ван Гога.

– Я работаю над этим, – произнесла она, затем спросила о фотографиях картины, которые она сделала, о тех, которые он скопировал на свой телефон, и о том, что он с ними делал.

– Прямо сейчас они просто для справки. В дальнейшем посмотрим. Недавно я ими воспользовался. – Смит пояснил, что ходил в музей Метрополитен посмотреть тамошний автопортрет Ван Гога, чтобы сравнить его с фотографиями. – Сказать по правде, он не очень-то похож на то, что вы нашли.

– Потому, что это более ранняя работа, – вскинулась Аликс.

– Всего год разницы.

Его комментарий спровоцировал лекцию размером с горную лавину о разнообразии картин Ван Гога, о том, как быстро он их создавал и как быстро развивался его стиль.

– Я просто сказал.

– Что ты хотел сказать? Что мы нашли подделку?

– Я этого не говорил, и я понятия не имею. Я просто хотел посмотреть картину из Метрополитен-музея для сравнения. Когда вы видели ее в последний раз?

Аликс приняла вызов Смита.

Мы подошли к огромному зданию в стиле боз-ар, которое я видел так много раз. С крыши Музея искусств Метрополитен свисали баннеры с объявлениями о проходящих сейчас выставках: «Медичи: портреты и политика», «Сюрреализм без границ», «Кубизм и традиция *Trompe l'oeil*». Первое название вызвало в памяти прошлогоднюю поездку во Флоренцию и всю эту неожиданную трагедию, а слова «*trompe l'oeil*» вернули меня всего на день назад, к колоннам из искусственного мрамора в синагоге на Элдридж-стрит. В обоих случаях мне казалось, что за мной наблюдают, на что мне ой как следовало обратить внимание во Флоренции...

– Как говорил наш препод в художке, «два миллиона квадратных футов пространства, способного вместить восемь полноразмерных футбольных полей или сорок Белых домов», – припомнил я свой первый визит в музей двадцать два года назад.

– Вот как? – откликнулась Аликс, поднимаясь по широкой каменной лестнице. – Слушай, а почему ты все время задираешь Смита? Это что, обычный мужской способ общения? Вы как два маленьких мальчика.

Я признался, что у нас была трудная история общения, которая больше походила на ссору; выработалась привычка,

от которой нелегко избавиться.

– А еще мне не нравится, что он швыряет нам какие-то объедки вместо информации, и вообще весь из себя засекреченный.

– Он же сказал, что расскажет, когда узнает больше, – это прозвучало так, как будто Аликс защищала его.

– Плохо ты его знаешь, – буркнул я.

– Ты сам предложил к нему обратиться.

Она была права.

Аликс не пустила меня в египетское крыло и к картинам эпохи Возрождения, а повела по тускло освещенным коридорам с гравюрами, через галерею скульптур со знаменитым «Мыслителем» Родена, пробираясь сквозь школьные экскурсии, семьи и группы туристов. Потом я ненадолго отстал, чтобы посмотреть на «Даму с попугаем» Эдуарда Мане – все чопорное, правильное и викторианское, за исключением наводящего на размышления наполовину очищенного апельсина у ног дамы. Аликс вернулась за мной, и я поделился с ней соображением, как ловко в музее повесили «Женщину с попугаем» Курбе на одной линии с картиной Мане – обе картины на одну и ту же тему, но совершенно разные: обнаженная женщина Курбе, судя по всему, испытывает оргазм, когда попугай кусает ее за палец.

– Кто про что... Насмотрелся? – Аликс взяла меня под руку и протащила по залам с картинами импрессионистов, не останавливаясь, пока мы не достигли места назначения. Зал

был переполнен по понятной причине: вся стена была увешана картинами Ван Гога. Я улучил минутку, чтобы взглянуть на автопортрет Гогена, затем на знаменитые подсолнухи Ван Гога, колючие лепестки и семена, похожие на зубы в разинутой пасти, такие красивые и свирепые одновременно, что было трудно отвести взгляд, но Аликс не позволила мне долго задерживаться и повела к коробке из оргстекла в центре зала.

Сначала мы осмотрели обратную сторону картины, потемневшую старую работу с изображением женщины, чистящей картошку, но скоро перешли к лицевой, где Ван Гог написал свой автопортрет в соломенной шляпе, ради которого мы и пришли.

Я не видел его много лет, и теперь, с моей новообретенной одержимостью Ван Гогом, словно увидел впервые. Лицо, сложенное из десятков мелких мазков, точек и тире, золотые блики в сине-зеленых глазах Винсента, нос, щеки и шея, вылепленные желтыми мазками...

– Он привел все в движение... – сказал я, – как итальянские футуристы.

А Аликс отметила оптическое смешение, которое Ван Гог позаимствовал у импрессионистов: «два цвета по соседству создают третий», а также влияние пуантилизма Сера и использования чистого цвета фовистами для создания формы: «вся история современного искусства в одной картине».

В выражении лица художника сквозила печаль, его глаза

встречались со взглядом зрителя. Я словно наяву услышал его слова: «Я хочу трогать людей своим искусством. Хочу, чтобы они сказали – он чувствует глубоко, он чувствует нежно».

– Здесь есть все, – говорила Аликс. – Цвет, мазок, такие же, как на нашей картине. Смит совершенно неправ! Правда, здесь все более схематично, но Ван Гог написал эту картину двумя годами ранее, а не одним, кстати, и тогда он еще экспериментировал. В нашей картине те же элементы, но она более зрелая.

Я согласился, заметив, что Смит работал арт-аналитиком, а не историком искусства.

– И почему он не позвал нас с собой, когда ходил смотреть картину? Такой умный?

Аликс велела мне прекратить видеть везде заговоры и перестать спорить со Смитом, раз уж мы собираемся с ним работать, но мне, помимо прочего, было непонятно, почему он до сих пор не попросил денег.

– Я думаю, счет он выставит нам в конце, – предположила Аликс.

В конце чего, интересно? Чем кончится это дело? Я размышлял над этим вопросом, когда вдруг почувствовал, что за мной наблюдают – как тогда в синагоге. Я оглядел зал, заполненный туристами, но не смог заметить никого, кто изучал бы меня, а не картины.

Гораздо проще следить, когда они вдвоем, Крутой Перец и Королева Выпускного, как ты их про себя называешь. Ты фотографируешь их с другой стороны зала. Двойной портрет у двусторонней картины. Щелк. Добавим сопроводительный текст. Отошлем. Телефон в карман, ты подходишь ближе, но не слишком близко. Ты в камуфляже: старый плащ, который давно следовало выбросить, воротник поднят, вязаная шапочка надвинута до бровей – но все равно на глаза им попадаться нельзя. К счастью, они практически не смотрят по сторонам, только на картину.

Ты смотришь на автопортрет Гогена, знаменитого заклятого врага Ван Гога – он изобразил себя на ярко-красном фоне, угловатое высокомерное лицо, самоуверенное и даже напыщенное, но все же лучше, чем самоуничижение Винсента. Ты оглядываешься как раз в тот момент, когда Крутой Перец вдруг начинает озираться. Он что, спиной почувствовал твой взгляд?

Ты присоединяешься к группе туристов и выходишь из зала. На сегодня достаточно. Ты переходишь по коридору в зал американских модернистов начала девятнадцатого века и фотографируешь «Портрет немецкого офицера» Марседна Хартли 1914 года, весь в символах и шифрах, скрывающих нетрадиционные наклонности художника. Ты в шутку

посылаешь снимок *ему*, потому что знаешь: пару лет назад он продал подлинник одному знакомому коллекционеру, а здесь, в престижном нью-йоркском музее Метрополитен, висит подделка, ведь он скопировал ее и подменил оригинал благодаря жадности одного охранника; тому щедро заплатили, но он не успел потратить эти деньги.

Сообщение от Смита пришло как раз в тот момент, когда мы выходили из музея Метрополитен: *отпечатки пальцев готовы.*

Больше того, он уже выяснил, что они принадлежат одному частному детективу из Квинса и отследил его местонахождение по телефону. *Нужно встретиться*, написал Смит. Что мы и сделали.

В закусочной на Корт-сквер в Лонг-Айленд-Сити было не очень многолюдно, но шумно: клиенты гомонили в кабинках, официантки выкрикивали заказы, из музыкального автомата пел Lil Nas X.

Смит показал того, кто нам нужен, и мы приступили к делу. Аликс подседа к нему в кабинку и поставила на стол макоевскую вазу. Тот тип так и застыл с вилкой в руке, не донеся до рта кусок яичницы.

Мы со Смитом наблюдали за происходящим из кабинки напротив, с трудом разбирая слова сквозь шум.

– Вы думали, я умерла? – произнесла Аликс.

– Что? Нет. Я надеялся... даже молился, чтобы вы остались живы.

Аликс подвинула вазу поближе и прочитала со своего мобильного телефона: «Два четких отпечатка принадлежат Джеймсу Талли, частному детективу, 2123, Двадцать Чет-

вертая авеню, Лонг-Айленд-Сити. Это, должно быть, вы. К тому же вы подходите под описание, данное владельцем «Антикварного амбара», а также дизайнером Шэрон Макинтош, ну, и мной». Эту часть разговора мы отрепетировали, дальше ей предстояло импровизировать. Но Аликс была хорошей актрисой, мне ли не знать.

– Вы сегодня без усов? – продолжала она. – Некогда было?

Смит наклонился к проходу, похлопал меня по руке и одними губами сказал «пошли», но я остановил его, прошептал: «Она справится».

– Вы наняли этих ребят, чтобы ограбить меня. Это не просто ограбление, это нанесение телесных повреждений приотягчающих обстоятельствах, – говорила Аликс. – Итак, где картина?

– Я доставил ее клиенту. Что дальше? – Талли смерил ее взглядом. – Вы не из полиции, на кого вы работаете?

Аликс проигнорировала вопрос.

– Я верю, что вы не хотели, чтобы я пострадала, поэтому даю вам шанс объясниться. Кто клиент? Кто вам поручил найти картину?

Талли что-то пробормотал, но его слова потонули в грохоте музыкального автомата.

– Я пошел, – сказал Смит, вскакивая и размахивая своим интерполовским удостоверением; я бросился за ним.

На этом беседа закончилась. Талли метнулся прочь, толкнув меня на официантку, зазвенели разбитые тарелки, рас-

плескался чей-то кофе, слышались крики.

Талли выбежал на улицу, Смит за ним, мы с Аликс следом.

– Я бы его раскрутила, – бросила Аликс на бегу. – Не надо было влезать, Смит все испортил!

На улице дул сильный ветер, начинался дождь. Смит поймал Талли на краю парковки у закусочной и прижал его к машине.

– Придержи его, – кивнул Смит, тяжело дыша, когда мы с Аликс подбежали, и я взял Талли под руку. Аликс стояла рядом, кипя от злости.

– Куда вы меня ведете? – взвыл Талли.

– К тебе в офис, – ответил Смит.

– Откуда вы...

– Интерпол знает все, дружок.

Офис Талли представлял собой полуподвальное помещение с маленькими окнами. Мебель состояла из деревянного стола, стула и кушетки. Повсюду валялись комиксы.

Я спросил, не Бэтмен ли с Суперменом его клиенты, а Смит швырнул его на диван и навис над ним, как Невероятный Халк, сошедший с одной из страниц.

– Ребята, кто вы, черт возьми, такие? – простонал Талли.

– Тебе сказали: Интерпол, – ответил Смит. – А теперь ты давай расскажи нам про тех пацанов, которых ты нанял, чтобы избить вот ее.

– Я попросил их забрать сумку, вот и все. Двое случайных парней с улицы.

– Кто твой клиент?

– Мы никогда не встречались. Задание пришло через Интернет.

– Теневой Интернет, – уточнил Смит, и Талли кивнул. – Ты когда-нибудь разговаривал с ними? – Даже сев рядом с Талли, Смит казался в два раза больше.

– С какой стати я должен тебе это говорить?

– Либо мне здесь и сейчас, либо в штаб-квартире Интерпола. Если и там не скажешь, отправим к федералам. Выбери.

– Дважды. Я говорил с ними два раза. Об условиях и первом платеже. Затем передал картину.

– Ты знал, что этот предмет – картина, – сказал Смит. – Ты видел ее?

– Нет. Зачем мне это? Я оставил ее в условленном месте. Вот и все.

– Мне нужны контакты клиента: номер телефона, адрес электронной почты.

– Это был одноразовый звонок, чувак.

– Позвонишь еще раз, – приказал Смит. – Скажешь, что у них проблемы, что вам нужно поговорить. Интерпол отслеживает звонок.

– Они меня убьют!

– Интерпол тебя прикроет.

На мой взгляд, Смит легкомысленно разбрасывал как угрозы, так и обещания, пользуясь своей бывшей работой.

Последовала долгая пауза; стояла тишина, если не считать стук дождя по маленьким окнам, затем Талли сказал:

– Они утверждают, что не получили картину.

– Ты ее зажал? – спросил Смит.

– Нет! Ни в коем случае. Я ее доставил в назначенное место. Либо клиент получил ее и лжет, чтобы не выплачивать мне остаток денег, либо кто-то другой добрался туда раньше них и забрал ее. Когда вы, ребята, появились в закуской, я подумал, что вы – это они. Они говорят, что я что-то скрываю, угрожают убить. Мне надо залечь на дно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.